ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ

(ВЫПОЛНЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ)

СОСТАВИТЕЛЬ – МАЛКОВА Н.М.

Самарское археологическое общество

Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края

Самара, 2019

Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края / Самарское археологическое общество; сост. Малкова Н.М., - Самара, 2019, - с.

Составитель - Н.М. Малкова

Материалы представляют интерес для всех, интересующихся историей Самарского края, культурой и традициями этносов.

© Малкова Н.М,2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ……. 4-5

МОРДВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП, ЯЗЫК, ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОСА…….…… 6-12

ФОРМИРОВАНИЕ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В САМАРСКОМ КРАЕ…….…….12-41

СЕЛЬСКОЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ……41-59

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ …….……59-67

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ……. 67-72

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ…….73-82

КАЛЕНДАРНО-ПРАЗДНИЧНЫЙ ЦИКЛ САМАРСКОЙ МОРДВЫ……..83-102

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОСА…….…….102-111

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ……112-113

ИЛЛЮСТРАЦИИ……..……..114-122

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни каждого человека осознание принадлежности к определенному народу, поиски особенностей культурных традиций играют важную роль и оказывают влияние на отношения между людьми. Современные формы проявления интереса к своим корням у отдельных людей и целых народов различны: проведение национальных праздников, мастер-классов по народному творчеству, развитие этно-туризма, попытки воссоздать старинные обряды, поиски «загадочной народной души» и др.

Современная Самарская область многонациональна. История формирования ее населения, как и Урало-Поволжья в целом, имеет несколько этапов. Они характеризуются контактами различных по происхождению групп населения, разными направлениями движения миграционных потоков, своеобразным сочетанием элементов хозяйственной и культурной деятельности.

Территория Самарского края не являлась ядром формирования ни одного из проживающих на ней сегодня этносов, но всегда выступала как контактная зона. Представители этносов, составляющих сегодня основу населения области, появились на ее территории практически одновременно. В непосредственном контакте оказались этносы различных языковых групп и конфессий. Следствием этого является ситуация этнической и конфессиональной толерантности в регионе.

Самарская область – многонациональный регион, согласно данным Всероссийской переписи населения Самарской области за 2010 год, на территории области проживают представители 157 национальностей и 14 этнических групп. Русские составляют 85,6% от численности всего населения области, татары - 4,1%, чуваши - 2,7%, мордва - 2,1%, украинцы 1,4%, армяне - 0,74% казахи - 0,51%, азербайджанцы - 0,5 %, башкиры - 0,24%.

В Самарской области достаточно широко представлены краеведческие материалы по истории этносов, опубликованы научные и научно-популярные издания по истории и этнографии русского, татарского и чувашского этносов, однако нет отдельных изданий по истории мордовского народа. Необходимо отметить, что материальная и духовная культура мордвы на территории Самарского края имеет свою специфику в сравнении с культурой этноса на исконной территории.

Вашему вниманию предлагаются материалы по истории и культуре мордвы – отобранные и структурированные по темам данные о происхождении этноса, заселении Самарского края, материалы археологических раскопок, этнографические сведения об особенностях материальной культуры, семейных традициях, обрядах и обычаях. Представлена также информация о современном состоянии этноса на территории региона. Здесь собраны фрагменты текстов ведущих исследователей – историков, археологов, этнографов, а также иллюстрации и фотоматерилы. Использованы как фрагменты местных изданий, так и работы исследователей из других регионов, в том числе вышедшие небольшими тиражами, и поэтому недоступные широкому пользователю.

Данные материалы помогут в изучении этнической истории края, написании творческих работ по этнографии, подготовке мероприятий этнокультурной тематики.

Материалы подготовлены при поддержке Фонда президентских грантов, в ходе реализации этнокультурного проекта «Корни».

Н.М. Малкова

МОРДВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП, ЯЗЫК, ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОСА

Малкова Н.М., Николаев С.Д. Мордва // Этносы Самарского края. Самара, 2003. С.76-82.

«Этноним *мордва* объединяет несколько этнических групп, самые многочисленные из которых *эрзя* и *мокша*. Эрзя населяет восточные районы Республики Мордовия, мокша – западные и южные. В Самарской области эрзя расселена, в основном, на левобережье Волги, мокша – на правобережье. <…>

Антропология. Мордва, как и большинство других финно-язычных этносов, относится к *урало-лапаноидному типу уральской расы*, которая сформировалась предположительно ещё в палеолитический период. В сложении мордвы участвовали три расовых компонента: *светлый широколицый европеоидный тип*, который особенно заметно прослеживается у эрзи; *тёмный грациальный узколицый европеоидный тип*, широко распространенный у мокши и *субуральский тип*, который, по всей вероятности, является результатом смешения первых двух типов. Для эрзи характерен прибалтийский компонент – большая европеоидная примесь и некоторая широколицость. У мокши преобладает европеоидный, узколицый компонент, свойственный некоторым южнославянским группам.

Язык. Мордва говорит на двух близкородственных языках – мокшанском и эрзянском. Они относятся к финно-угорский группе, которая вместе с самодийскими языками образует более обширную уральско-юкагирскую языковую семью. Существование в прошлом общемордовского или прамордовского языка-основы признается большинством ученых-языковедов. Исследователи полагают, что этот язык функционировал не менее 1,5 тысяч лет. За это время в нем выработались определяющие черты в фонетике и грамматике, сохранившиеся в современных мокшанском и

эрзянском языках. К X веку н.э. значительно усилилась тенденция образования территориальных диалектов внутри общемордовского языка. На базе диалектных расхождений возникли диалектные общности. Некоторые из них в силу ряда исторических причин не развились в самостоятельные языки, другие же явились основой для образования мокшанского и эрзянского языков. В настоящее время они различаются по ряду моментов, которые имеют частный характер по сравнению с общей массой близких элементов. Различие в языках наблюдаются в основном в фонетике, в некоторых глагольных формах, в степени употребления грамматических категорий. В основу современного мокшанского литературного диалекта положен краснослободско-темниковский (одноименные районы Республики Мордовия) диалект, а в основу эрзянского – ардатовско-атяшевский. Алфавит построен на русской основе.

Мордовское население Самарского края, переселившееся на левый берег Волги, утратив некоторую часть лексического массива, в основном сохранило свои языковые закономерности. Но, в результате соседства с другими народами, в его речи постепенно сформировался ряд особенностей, которых не было на прежней территории проживания. Тесные контакты с русскими привели к тому, что в некоторых говорах заволжской мордвы появились новые словообразовательные элементы или новые слова типа *кислятка* – щавель (*умбрав* - м., э.), *ладом* – все (*сембе* - м., *весе* - э.). В речи постоянно увеличивается количество русских слов. Широкое распространение получило мордовско-русское двуязычие, что нередко приводит к утрате родного языка. С другой стороны, изоляция заволжской мордвы от других групп привела к сохранению в ее речи архаических черт. Так, в говоре села Старое Эштебенькино сохранились древнемордовские слова: *кака* – ребенок, *вардыне* – служанка; в говоре села Шелехметь: *вастось*–место. Проживание мокши и эрзи в тесном соседстве, нередко в общих селениях, привело к образованию смешанных мордовских говоров. В них наблюдается параллельное употребление мокшанских и эрзянских

языковых форм: *кундай-нень* - я их поймал (*кундай-не* - м., *кунды-нь* - э.); в говоре села Шелехметь наряду с мокшанскими *аш* - нет, *аф* – не, встречается эрзянское *истя* – так; в говоре села Торновое для названия коровы употребляются как мокшанское – *тракс*, так и эрзянское - *скал*.

Этническая история. Этноним «мордва» не является самоназванием народа. По своему происхождению это слово связано с иранскими языками (**mord** — человек, мужчина). Этноним эрзя по всей видимости восходит также к иранской лексике (**arsan** — мужчина, герой, самец). **Мокша** связан с индоевропейским гидронимом Мокша (санскрит **moksha** — проливание, утекание, освобождение).

Первое письменное упоминание о мордве относится к середине VI века нашей эры. Придворный историк готских королей Иордан в труде «*О происхождении и деяниях гетов*» («*Getica*») называет «*морденс*» в числе племен, покоренных готским королем Германарихом. Позднее этим же этнонимом древнемордовские племена называют и византийские источники. Константин VII Багрянородный в сочинении «*Об управлении империей*» (X век), определяя расстояния от Печенегии до пограничных земель, упоминает страну *Мордию*, расположенную в десяти днях пути. Этнонимы эрзя (*арису*) и мокша (*моксель*) встречаются в послании хазарского кагана Иосифа, датируемого тем же временем, а также в путевых записках монаха-путешественника Гильома Рубрука (XIII век). Начиная с XI века этноним «мордва» в различных написания встречается в русских летописях: «*А по Оце реце, где втечеть в Волгу.. мордва свой язык.. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва ..». «Того же лета бися Ярославъ с мордвою месяца марта в 4 день, и побежден бысть Ярославъ»* (1103г.).

Вопрос об этногенезе мордовского народа до сих пор не решен и остается предметом острых дискуссий. Многие исследователи считают прямыми предками мордвы племена *городецкой культуры* VII в. до н.э. – I в.н.э. Она изучена по селищам и городищам, расположенным на огромной

территории – от верховий Дона на западе до Самарской Луки на востоке, от среднего течения Оки на севере до г.Саратова на юге. Могильников племен городецкой культуры не обнаружено. Диагностирующим ее признаком является рогожная или сетчатая керамика. Городецкие лесные племена были скотоводами и охотниками; владели косторезным и гончарным ремеслами; знали ткачество, прядение и плетение. Однако черная металлургия у городецкого населения была развита довольно слабо, цветной не было вообще. В Самарской области следы городецкой культуры найдены археологами на городищах Белая Гора, Каменная Коза, Лбище, селищах у пос. Новый Путь, у с. Новинки на Самарской Луке и др.

Формирование мордовского этноса происходило на более ограниченной территории, чем ареал распространения городецкой культуры – в междуречье рек Оки, Цны и Волги. Здесь исследованы археологические памятники древнемордовских племен I тыс.н.э. Культура мордвы этого времени характеризуется высоким уровнем развития различных промыслов и связанных с ними орудий труда. Широко использовались черный и цветные металлы. В погребениях найдены орудия труда, связанные с земледелием. Исследованы богатые захоронения военных начальников или старейшин племен с железными боевыми топорами, мечами, наконечниками стрел, колчаном со стрелами. Наиболее известны среди археологических памятников этого периода Кошибеевский и Армиевский могильники.

Целый ряд исследователей, наряду с городецким, называют другие этнические и культурные компоненты, участвовавшие в сложении мордовского этноса. По археологическим данным, в I в.н.э. на обозначенные территории наблюдается проникновение прикамских восточно-пьяноборских племен. Появляется грунтовой обряд погребения с рядовым расположением могил, где исследованы разнообразные типы украшений, имеющих аналогии в пьяноборских могильниках. Нельзя не отметить и западное влияние позднезарубинецких и позднедьяковских племен, на которое указывает

характер керамического материала, появление чернолощенной посуды и некоторых типов женских украшений.

Как считают исследователи, примерно к V-VII вв. н.э. образовались два крупных племенных союза мордвы – эрзя и мокша. Территория по рекам Пьяне, Алатырю и Суре была эрзянской, а по Мокше, Ваду и Иссе – мокшанской. Точное время и обстоятельства образования этих союзов, являющихся, несомненно, составными частями одного этноса, по сей день остаются загадкой. <…>

В VIII веке на юго-востоке Восточной Европы формируется Хазарский каганат. О зависимости мордвы от хазар сообщают арабские источники. В это время до 6 м вырастают валы на городищах, а в культурном слое появляются наконечники копий, железных стрел и обломки кольчуг. Древней мордве в этот период приходилось бороться еще и с печенегами и камскими болгарами. Однако мордва и сама, судя по сообщениям арабских авторов, нападала на своих врагов: «*На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги».*

Со 2-й половины X в. начинает усиливаться Камская Болгария. В ее подчинении оказались многие народы, платившие когда-то дань Хазарскому каганату, в том числе и мордва. Болгарские дружины периодически совершали набеги на мордовские земли, собирали дань мехами, медом и воском. В конце X века происходит укрепление русского Киевского государства. Походы Святослава на хазар и болгар, скорее всего, освободили мордовские племена от хазарской зависимости.

Погребальный инвентарь мордовских могильников IX-XI вв. – Лядинского, Томниковского, Перемчалкинского и других – отражает сложную политическую ситуацию того времени. Произошли изменения в области вооружения: появились особые формы топоров и сабель. В этот период мордва по-прежнему занималась своими традиционными промыслами – охотой, бортничеством, рыболовством и скотоводством. Знала она и земледелие, хотя находки вещей этого рода деятельности достаточно

редки. Присутствие в женских погребениях приспособлений для литья говорят о том, что в этой сфере трудились в основном женщины, как, впрочем, именно они пряли, ткали и занимались гончарством.

Находки на мордовских памятниках типично славянских вещей - пряслиц из розового шифера, браслетов сложного плетения, призматических сердоликовых бус и т.д. - подтверждают факт общения мордвы с восточными славянами. Обряд трупосожжения, характерный для могильников мордвы этого времени – также свидетельство славянского влияния.

XI-XIII века в истории мордвы характеризуются зависимостью от камских болгар, участием в ожесточенной борьбе с русскими княжествами. Неслучайно Русские летописи сообщают о существовании в этот период как открытых поселений, так и укрепленных «*твердей*», где мордва пряталась от врагов.

В Русских летописях первой половины XIII в. упоминается о двух мордовских князьях Пургасе и Пуреше. Политика *инязора* («великого хозяина» - э.) Пургаса была ориентирована на болгар. Территория «Пургасовой волости» являлась районом преимущественного расселения эрзи. Мокшанский *оцязор* («великий хозяин» - м.) Пуреш был вассалом владимирско-суздальского князя Юрия II Всеволодовича. Эти мордовские князья, сосредоточив в своих руках военную и политическую власть, вступали в договорные отношения с русскими князьями или болгарскими ханами и, действуя по обстоятельствам, являлись либо их союзниками, либо их противниками. Иногда они были вынуждены выступать друг против друга в составе чужеродных войск.

В I236 году татаро-монгольские войска, объединенные под властью дома Чингисидов, покорив государства Средней Азии, Ирана, Закавказья, а также башкир, удмуртов и камских болгар, двинулись на Правобережье Волги. Венгерский монах Юлиан, путешествовавший в том же году по Восточной Европе, писал, что при вторжении монголов в “*царство мордванов (мордвинов) .. там было два князя: один князь со всем народом и*

семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться.." Первый князь, упомянутый Юлианом, был оцязор Пуреш, заключивший с монголами договор об уплате дани. Кроме того, согласно источникам, Золотая Орда использовала мокшу в качестве военной силы. Посол Людовика IX Святого Гильом Рубрук, сообщает в своей книге о гибели мокшанского князя и его войска в составе татаро-монгольских сил в Германии. Между тем эрзянский инязор Пургас отправился в "*весьма укрепленные места*" – район Нижнего Новгорода, куда стекалось большое количество непокоренной мордвы.

Мордва оказывала монголам отчаянное сопротивление, в результате чего было истреблено большое количество населения, в том числе и феодальная верхушка. Мордовские князья не упоминаются в источниках в числе покоренных князей, приходивших в Орду за ярлыком. Мордовское население, как и другие покоренные народы Восточной Европы, было включено в состав Золотой Орды. На мордву была наложена дань - ясак, часть селений была превращена в пепелище, а поля и другие угодья - в пастбища для скота».

ФОРМИРОВАНИЕ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В САМАРСКОМ КРАЕ

Малкова Н.М. Заселение мордвой Самарского Поволжья (по материалам археологических раскопок) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999. С. 87-89.

«…Первые археологические памятники мордвы, а значит и группы мордовского населения появились на территории Самарского Поволжья в золотоордьнскую эпоху. В настоящее время известно три мордовских грунтовых могильника и несколько поселений середины - второй пол. XIV в.

Они возникли почти одновременно в северо-западной части области – на бывшей южной окраине-государства Волжская Болгария. На территории Самарской Луки – поселения у сел Муранка, Березовка, Печерские Выселки, Рубленое Озеро; могильники Муранской, Усинский II и, почти напротив последнего, на левом берегу Волги - Барбашинский могильник и поселение.

Судя по результатам раскопок, во всех населенных пунктах проживало смешанное в этническом отношении население, в составе которого была и мордва. Возможно, поселения были основаны Золотой Ордой. Самое крупное из них – Муранское на реке Усе, возникло, видимо, в качестве перевалочного пункта на караванном пути.

Муранский могильник моноэтничен. Большая часть погребений могильника, исследованная В.Н. Поливановым в конце XIX века и А.Е.Алиховой в 1950 году, имеет довольно устойчивый обряд захоронения и стандартный набор погребального инвентаря, характерные для мокши. <…>

1

В Барбашинском могильнике, исследованном в 1935 году Б.А.Латыниным, обнаружены как эрзянские погребения с северной ориентировкой, так и мокшанские, с южной.

2

3

4

Вещи из Барбашинского могильника: 1 – кресала, 2 – копье, 3 –лопастная сюлгама, 4 – котелок.

На болгарском поселении золотоордынского времени Сухая Речка, расположенном на реке Большой Кинель в Похвистневском районе, найдено небольшое количество керамики барбашинского типа, что позволяет предположить существование «мордовского элемента» в общей полиэтничной среде.

XV-XVI века - послеордынский период – смутное время для многих народов, в том числе и мордвы. Археологических памятников этого времени на территории Самарской области не найдено. В этот период мордва, вероятно, вернулась на свои исконные территории.

Второй период проникновения мордвы на территорию Самарского Поволжья начинается с середины XVI в. Первоначально мордва (только мокша) начата осваивать северо-запад области. Мордовские бортники искали спокойные и благоприятные территории для своих ухожаев, однако на новых местах еще не селились, опасаясь казацкой вольницы. Первые поселения мордвы, практически одновременно с русскими поселками появляются здесь во второй половине XVII века. Об этом свидетельствуют материалы могильника у с. Шелехметь. Памятник оставлен мокшей, датирован монетами Михаила Федоровича и Петра I. Имеются также сведения о существовании могильников мордвы-мокши XVII-XVIII веков у сел Бахилово, Торновое – на территории Самарской Луки, и Верхний Сускан в Ставропольском районе.

На левобережье Волги первые поселения мордвы, по свидетельству историков, появились также во второй половине XVII века, после строительства Закамской сторожевой линии вдоль реки Черемшан. Колонисты двигались с севера и северо-запада – из Нижегородского, Арзамасского, Алатырского и Казанского уездов, которые были заселены в основном эрзей. Наиболее крупные группы населения осели в лесостепном районе, к северу от р.Кинеля. Со второй половины XVII века в заселении южных лесостепных районов Заволжья приняла участие и мордва Пензенско-Саратовского края. Археологическими фактами эти данные пока не

подтверждены – раскопки мордовских могильников в левобережной части Самарской области еще только начаты. В восточной части Самарской области известно всего два поздних могильника мордвы – у с. Утевка Нефтегорского района и у с. Коноваловка Борского района. Оба памятника оставлены мордвой-эрзей. Раскопки проводились только на Коноваловском могильнике. Памятник датирован монетами середины XVII - начала XIX вв.»

Дубман Э.Л. Самарская Лука - один из центров сельского расселения Южного Средневолжья в конце XVI – первой половине XVII вв. // Сельская Россия: прошлое и настоящее Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 66-69.

«…Изучение источников позволяет сделать вывод о том, что практически все Симбирское Поволжье до Самарской Луки включительно, было зоной сезонной промысловой деятельности. При этом если природные ресурсы волжской акватории эксплуатировалась, как правило, русскими предпринимателями, то одновременно протекавшая хозяйственная деятельность на всем пространстве лесостепной зоны Предволжья, осуществлялась чувашами, мордвой, татарами и т.д.

<…> Вполне обоснован вывод

Фрагмент карты 16 в Записки о Московии.

А.А. Гераклитова о том, что на Самарской Луке мордва, по крайней мере, с середины XVI в. начинает активно использовать ухожаи (*участок для занятия бортничеством, старинной формой пчеловодства – Н.М.*). А на протяжении первой половины XVII в. она, не только расширяет свою промысловую деятельность, но и оседает здесь. … подобные промыслы были постоянными, существовали на протяжении десятков лет и требовали длительной сезонной деятельности промысловиков - оброчников, вотчинников, наемных работников. Вполне логичен вывод о том, что в крае, помимо летних пастбищ кочевников, постоянно имелось промысловое население, делавшее все возможное, чтобы не обнаружить своего присутствия. Таким образом, вплоть до крайних границ лесостепи на юге (реки Сызранка, Крымза, Терешка на Правобережье; Самара и Кинель в Заволжье) регион был «населен» <…>

К концу 30 - началу 40 гг. XVII в. русское и мордовское население освоило не только наиболее удобный участок самаролукской низменности, но и начало проникать в межгорные долины. …В жалованной грамоте самарскому Спасо-Преображенскому монастырю от 4 июня 1648 г. упоминаются отказные книги, составленные при сменившем Ф.Племянникова в 1641/1642 г. новом воеводе Петре Загряжском, занимавшем эту должность до осени 1642 г. Самих книг не сохранилось, до нас дошли лишь краткие выписки - резюме из них, которые, как правило, сливаются друг с другом так, что разделить содержащиеся в них сведения, чрезвычайно сложно. … указаны две «чувашские» деревни, которые скорее всего, исходя из более поздних сведений, были основаны и заселены не чувашами, а мордвой. Речь идет об Ахтулиной и Торновой Поляне, видимо, первых постоянных мордовских поселениях на полуострове. Точное местонахождение д. Ахтулиной установить не удается. Судя по более поздним делам о спорах между жителями отдельных мордовских селений; она находилась в западной части Рождественской низменности или в прилегающих к ней межгорных долинах.

<…> О направлении миграционного потока на Самарскую Луку сохранились только неполные отрывочные сведения. Можно предположить, что поселенцы приходили на новые земли значительными группами и у них долго еще сохранялись какие-то контакты со старой родиной.

<…>

Первые сведения о появлении постоянных селений в центральной нагорной части Луки относятся к началу 1640-х гг. Здесь под защитой гор и лесов появляются небольшие чувашские и мордовские деревни. «В прошлом во 149 году по государеву указу дано им (мордве – Э.Д.) в Самарском уезде в Шелехметских горах на речке Аскуле земли под усадьбу и под пашню, да на той земле дворы поставили и земли распахали и всем построились». Рядом, в пяти верстах, при Аскульском овраге упоминается была еще одна деревня - «Мордва»(видимо, в районе современного с. Мордово).

На р. Аскуле поселение просуществовало недолго. В 1645/46 г. самарский воевода В. Горчаков перевел крестьян в более безопасное от татарских набегов место «на конец верхней изголовья Щучья озера». Так возникла д. Борковка (на месте современного с. Новинки). Переселенцы жаловались, что после переселения у них начались споры о земле «до той земли государевых крестьян деревни Караульной да мордвы деревни Ахтулина изгоняют, ту их землю околицу пашут и сено косят, потому что, между ними не размежевано и не расписано». Таким образом, в подгорной части Луки в эти годы существовала еще одна мордовская деревня Ахтулина.

<…>

Можно сделать вывод, что начавшееся после завершения Смутного времени формирование сети сельских поселений Самарской Луки, явилось следствием общего процесса медленного и постепенного освоения всего Южного Средневолжья. Оно началось с хозяйствования «наездом», с единичных поселений 20-х гг. XVII в., постепенно расширялось, захватывало все новые территории. Ко времени проведения переписи 1646 г., можно сказать, что это расселение захватило все основные районы полуострова.

Преимущество в этом освоении принадлежало русским переселенцам, приходившим и переселяемым на монастырские и помещичьи земли. Но, нельзя отрицать весьма значимое место в этом процессе коренного населения Среднего Поволжья.»

Дубман Э.Л. Особенности освоения и складывания населения Южного Средневолжья во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Самарский земский сборник. 2013. № 1(22). С. 9-14.

«Распад Золотой Орды привел к запустению лесостепи Южного Средневолжья. Только после присоединения к России начинается его новое промысловое сезонное освоение. Вся лесостепь до Самарской Луки и южнее становится зоной активного промыслового предпринимательства. Если богатейшие природные ресурсы волжской акватории эксплуатировалась, как правило, русскими предпринимателями, то одновременно протекавшая хозяйственная деятельность в лесостепном пространстве Предволжья и Заволжья осуществлялась татарами, чувашами, мордвой и представителями других средневолжских этносов.

... вдоль волжских берегов до Самарской Луки, включая и этот полуостров, тянулись промысловые угодья мордвы, татар и чувашей Казанского уезда. Начальные данные о таких угодьях относятся еще к временам Казанского ханства и правления Бориса Годунова.

На Самарской Луке мордва появляется, по крайней мере, с середины XVI в. в качестве пользователя ухожаями, а в первой половине XVII в. она не только расширяет свою промысловую деятельность, но и оседает здесь. Подобные промыслы были постоянными, существовавшими на протяжении десятков лет. Промысловые угодья распределялись и фиксировались в специальных документах. Они требовали длительной сезонной деятельности промысловиков - вотчинников, оброчников, наемных работников. В крае, помимо летних пастбищ кочевников, находилось промысловое население, приходившее сюда «изгоном» и делавшее все возможное, чтобы не

обнаружить своего присутствия. Вплоть до крайних границ лесостепи на юге (реки Сызранка, Крымза, Терешка на Правобережье; Самара и Кинель в Заволжье) регион был населен. <…>

В их угодьях, как и других вотчинников и оброчников, постоянно в течение промыслового сезона находились промышленники. Они устраивали временные жилища, хранилища, рыболовецкие и охотничьи станы, укрывались от отрядов кочевников.

<…>

Первым постоянным населением региона становятся служилые люди Самары (1586 г.) и Саратова (1590 г.). Начальными их жителями были по 300 – 400 ратных людей, так называемых «годовальщиков», переводимых погодно из нижегородских и казанских городов. В основном это были служилые люди по прибору (стрельцы), небольшие группы дворян и детей боярских, «иноземцев» и т.д. К концу XVI в. это военизированное население становится постоянным.

Первые достоверные сводные сведения о городских гарнизонах сохранились от второй четверти XVII в. Численность их составляла от 350 до 500 чел. с полным преобладанием приборных людей (конной и пеших стрелецких сотен). Группы дворян и детей боярских были незначительными и не превышали 20 чел. Местные служилые люди обжились в городах, большинство из них имели свои дома, семьи. Они занимались промыслами и торговлей, их общая численность с женами и детьми составляла около 3000 - 3500 чел. <…> Только после завершения Смуты в городах региона начинают складываться немногочисленные общины посадских жителей. Кроме посадов, дворы городских жителей размещались по слободам. В Самаре сложились слободы - Рыбная, Болдырская, позднее возникла Вознесенская. <…>

Таким образом, Самара и Саратов в конце XVI - первой половине XVII вв. представляли собой типичные российские пограничные города-крепости, основу населения которых составляли служилые люди и их семьи.

Своеобразие волжским городам придавало то, что им приходилось защищать не складывающиеся вокруг них районы сельского расселения, а важнейший транзитный речной путь по Волге и совокупность рыболовецких промыслов. <…>

Во второй четверти XVII в. на территории Южного Средневолжья начинают складываться первые локальные районы сельского расселения. К их числу относятся Самарский уезд и Надеинское Усолье, а также дворцовая Чалнинская волость в Закамье, на границе Казанского и Уфимского уездов.

Самарский уезд. В отличие от Саратова, не имевшего сельской округи, рядом с Самарой на Самарской Луке, занимая ее восточную и центральную части, складывается свой уезд. Видимо, заселение низменности под отрогами Жигулевских гор, началось в конце 1610-х - начале 1620-х гг. Здесь на землях домового патриаршего самарского Спасо-Преображенского монастыря возникли начальные селения Рождествено и Подгоры (Ильинское). Первое упоминание о деревне «под Лысой горой» - Подгорах, относится к концу 20-х гг. XVII в.

Для защиты жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей», к западу были устроены караулы, под защитой которых возникло еще одно селение — деревня Ново-Подкараульная. Жители Подгор, переселившись через овраг, основали д. Выползово. Так сложилось начальное ядро старейших русских селений уезда, располагавшихся на открытой равнине, рядом с пашнями. Появившиеся почти одновременно малодворные деревни мордвы и чувашей — Шелехметь, Борковка, Терновое, Чуракаево, возникали в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. Система сельского расселения в целом отражала этническое разнообразие населения уезда. В конце 30-х—начале 40-х гг. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов, около 900 человек. По переписи 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов. В большинстве своем это были беглые, пришедшие сюда из уездов Среднего Поволжья - Казанского, Алатырского, Симбирского и

других. Как образно заявили сами о себе жители с. Рождествено – «всякий сброд и наволока». Для защиты жителей в крупнейших селах при владельческих дворах и храмах обустраивались примитивные оборонительные сооружения.

Самарские дети боярские приступили к освоению Самарской Луки с 1640-х гг. Все ближние к городу, лучшие земли к этому времени были разобраны и им пришлось довольствоваться выходящими к Волге межгорными долинами в центральной части полуострова. Там и возникали небольшие деревушки Ширяев Буерак (Ширяево), Моркваши, Осиновый Буерак и другие. И, наконец, пришедшие чуть позднее мордва и чуваши облюбовали центральную часть Самарской Луки, «за лесом», где появились д. Аскулы, Сосновый и Березовый Солонцы, Кармалы, Севрюкаево.

Надеинское Усолье. В 1631/32 г. на западе Самарской Луки вокруг соленосных источников сложилось крупное промысловое владение гостя Надеи Светешникова. Работные люди и крестьяне предпринимателя выстроили укрепленный городок-крепость, основали солеваренный и рыболовецкий промыслы, поселили несколько слобод. Рядом с соляными источниками возникли Верхнеусольская, Нижнеусольская и Усольская слободы, в которых обосновались работные люди из Соли Камской, Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники Светешникова. Большинство жителей слобод составили беглые, «гулящие» люди, пришедшие в Усолье «своей охотой». По данным 1646 г. общее количество взрослых мужчин (без духовенства и приказчиков) составило 108 человек, из них 33 несли вооруженную охрану промысла, 28 являлись крестьянами, 30 - бобылями, 17 относились к наемным людям, временно проживающим на территории Усолья.

<…>

Таким образом, накануне начала массового освоения Южного Средневолжья на его территории уже сложились отдельные локальные центры расселения в виде отдельных городов, уездов, крупных дворцовых и

купеческих владений, сел и деревень. Мнение о том, что уже в первой половине XVII в. пространство региона было в определенной степени заселено .. является вполне обоснованным и подтверждается большим количеством данных.»

Малкова Н.М. Шелехметский 1-й грунтовой могильник на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов. Самара, 2013. С.299-315.

«Самым первым исследованным на территории Самарской области памятником мордвы эпохи позднего средневековья является Шелехметский 1 грунтовой могильник на Самарской Луке. Раскопки на памятнике проводились дважды – Г.И. Матвеевой в 1970 г. и автором статьи в 1996 г.

Шелехметский 1 грунтовой могильник расположен на юго-восточной окраине с. Шелехметь муниципального района Волжский Самарской области, на краю первой надпойменной террасы р. Волги, в 100 м от северного берега Шелехметского озера. Могильник занимает высокий мыс, ограниченный с северной, северо-восточный и восточный сторон оврагом, поросшим деревьями и кустарником.

Внешних признаков захоронений на поверхности могильника не читается. Данный признак характерен для большинства исследованных погребальных памятников позднесредневекой мордвы – только 2,9% захоронений были отмечены на поверхности. Чаще всего это были деревянные столбики, которые располагались в головах погребенных.

Местному населению о местонахождении могильника было известно издавна. Сведения о Шелехметском 1 грунтовом могильнике, как археологическом памятнике, впервые появились в материалах археологических разведок по Самарской губернии, проведенных экспедицией Общества истории, археологии, этнографии и естествознания при Самарском госуниверситете под руководством В.В. Гольмстен в 1929 году. <…>

Следов погребальных конструкций в засыпи могильных ям во всех 15-ти погребениях раскопов 1 и 2 не обнаружено. Данная черта погребального обряда типична для позднесредневековых погребений мордвы – только 40% грунтовых погребений из всего исследованного массива позднесредневековых памятников имели погребальную конструкцию. Из 15 погребенных 33,3% взрослых – три женских (№№ 1,8,12) и два мужских (№№ 2,7); 26,7% - детских (№№ 9,11,13,15), половозрастная принадлежность остальных 40% погребенных из-за плохой сохранности костяков не определена.

Ориентированы погребенные головой на запад (13,3%), столько же имели отклонение к северу, 46,7% - к югу, у 26,7% захоронений ориентировку установить не удалось.

Все погребенные захоронены на спине, данная традиция погребального обряда появилась у древней мордвы еще в первые века н.э. Положение рук удалось зафиксировать лишь в двух погребениях: в женском погребении 1 - левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука согнута в локте, кисть – на тазовых костях. В женском погребении 12 обе руки втянуты вдоль туловища.

Погребальный инвентарь зафиксирован в 11-ти захоронениях из 15-ти (73%), из них в 8 погребениях (53,3%) найден собственно сопровождающий инвентарь, прижизненно необходимые предметы. Столько же погребений содержали сохранившиеся детали костюма и его украшения. <…>

Украшения костюма содержали 40% погребений Шелехметского 1 грунтового могильника, большинство из них (71,4%) - женские. <…>

В состав женского костюма, исследованного в погребении 1, входил головной убор, изготовленный, видимо, на мягкой основе, расшитый голубыми и коричнево-золотистыми бусинами, бисером желтого, белого и черного цвета. Судя по плану погребения, можно предположить, что к задней части головного убора крепилось длинное украшение (лопасть?), спускавшееся, как минимум, до середины спины. Украшение, вероятнее всего, было расшито бусами, бисером, бронзовыми пронизками, а также

кисточками из шерсти красно-коричневого цвета.

Подобное украшение – пулоцьк, спускавшееся до пояса на праздничном головном уборе златной, описано Н.И. Спрыгиной у мордвы-мокши Беднодемьяновского уезда Пензенской губернии (ныне – Зубово-Полянский район Республики Мордовия). Пулоцьк имел длину более метра, состоял из «двух рядов снизок кумбрят, скрепленных на шнуре и из длинной кисти шелковых ниток малинового, желтого и зеленого цвета. Сверху на полосу кумбрят накреплены цветные ленточки с прикрепленными к ним медными бубенчиками». Пулоцьк прикреплялся к головному убору сзади большой пуговицей.

Подобный головной убор описал академик натуралист, геолог, этнограф и энциклопедист П.С.Паллас у жительниц с.Пилокшево на р.Пьяне в 1768 г., который состоял из «высокой набитой и пестро вышитой шапки, у которой позади привешены малые цепочки, небольшая лопасть и болобочки».

Лопасть у головного убора, возможно, является поздним прототипом пулокеря – деревянного накосника оригинальной конструкции, впервые появившийся в составе головного убора мордвы в X веке, и исследованного в мокшанских женских погребениях эпохи Золотой Орды и позднего средневековья.

Еще одним украшением костюма были серьги – свернутая в виде знака вопроса проволочка, к которой были подвешены бусы. Подобные украшения найдены во многих позднесредневековых мордовских могильниках аналогичного или чуть меньшего размера, с привесками и без. <…>

Шею женщины украшало ожерелье из черных, белых бус и бронзовых пронизок. Глубокий вырез рубахи был застегнут кольцевой сюлгамой.

Женский костюм, исследованный в погребении 8, содержал головной убор, украшенный бисером и бусами из стекла, пасты и камня, ожерелье из бус, (подвешенных на железную цепочку?).

Вырез широкой нижней рубахи типа панар был застегнут крупной кольцевой сюлгамой, обернутой толстой нитью из красно-коричневой шерсти, с помощью которой к сюлгаме, вероятно, были подвешены бусы и бубенчики. К верхней рубахе, под левой и правой грудью, выше пояса, почти симметрично были приколоты еще 2 кольцевые сюлгамы меньшего размера, к каждой из которой (на шерстяных красно-коричневых нитках?) были подвешено по одной лопастной сюлгаме.

<…> Необходимо отметить, что наличие в погребальном инвентаре сюлгамы является одним из этноопределяющих признаков культуры мордвы начиная с XII века. Кольцевая сюлгама была найдена в самом раннем памятнике древней мордвы – Андреевском кургане.

Тип сюлгамы (в совокупности с наличием других украшений костюма, а также деталями погребального обряда) в средневековье определяет принадлежность захороненного к эрзянской или мокшанской культуре. Кольцевые сюлгамы были типичны для модвы-эрзи, лопастные – для мордвы-мокши. <…>

По углам и бокам лопастных сюлгам расположены кольца - «ушки», которые явно являются «приобретением» эпохи позднего средневековья. .. кольца использовались для подвешивания дополнительных украшений (бус, стекляруса, шелехов, раковин-каури, монет и пр.).

Лопасти одной из сюлгам из погр.8 украшены орнаментом в виде двух окружностей и полуокружности, расположенных друг над другом. Орнамент на лопастях второй сюлгамы, на наш взгляд, является поздним «отражением» орнамента, выполненного в технике зерни, типичного для лопастных сюлгам мордвы-мокши эпохи Золотой Орды. Подобные украшения были найдены в Муранском могильнике, II Усинском грунтовом могильнике на Самарской Луке, Старосотенском могильнике на окраине г. Наровчат Пензенской области. Интересно, что все могильники были оставлены в золотоордынский период мордвой-мокшей, имевшей тесные контакты с болгарским населением. В могильниках доордынского периода сюлгам с подобным

орнаментом обнаружено не было. По всей видимости, появление данного типа украшения появилось под влиянием болгарского населения, в совершенстве владевшего техникой зерни и скани.

Авторы раскопа 1970 г. предположили, что орнамент на лопастные сюлгамы был нанесен в техники чеканки. Распространенной техникой изготовления лопастных сюлгам в эпоху позднего средневековья является штамп (отливка в форму), после чего, изделие «подправлялось» вручную.

Также в состав костюма погребенной женщины (погр. 8) помимо нижней рубахи из холста, входила верхняя одежда типа панитки, ора, чапан. Ее остатки представлены в виде фрагментов грубой шерстяной ткани, сотканной из коричневых и зеленых ниток.

На верхнюю рубаху было надето набедренное украшение. Его основа была сделана из войлока, сверху он был украшен бусами, железными цепочками с подвешенными к ним монетами и круглыми бубенчиками на концах, кистями из толстых крученых нитей. Данное украшение похоже на пулогай – традиционное праздничное набедренное украшение, характерное только для мордвы-эрзи.

Женский девичий костюм, исследованный в погребении 9, был украшен только ожерельем, состоявшем из бус, бронзовых пронизок и шелеха. В составе украшения девичьего костюма из погребения 11 – простенькие серьги из тоненькой проволочки, ожерелье из ярко-синих, желтых и белых бус. Вырез рубахи был застегнут небольшой сюлгамой.

Женский костюм, исследованный в погребении 12, был украшен головным убором на мягкой основе, который сзади (слева?) украшала подвеска, расшитая бисером. Серьги представляли собой тонкие дужки из бронзовой проволочки, на которые на шерстяных красно-коричневых нитках были подвешены шелех, бусы и бисер. Шейное украшение представляло собой плетеную из железной проволоки цепочку, к которой были подвешены бубенчики, бусы, круглые подвески из латуни, шелехи.

Глубокий вырез рубахи застегивала кольцевая сюлгама. Как и сюлгама

из погребения 8, ее нижняя часть была обернута шерстяными красно-коричневыми нитями. Нитка не только украшала застежку, к ней были подвешены бусы и бубенчики. Видимо сюлгамой был застегнут глубокий вырез верхней женской туникообразной рубахи, типа панар.

Перстень со щитком также входил в состав украшений костюма в женском погр. 12.

Несохранившиеся части женского костюма мокши помогают восстановить этнографические источники. Вариант костюма, бытовавшего у мордвы-мокши Самарской Луки в конце XIX – начале XX вв., отнесен исследователями к локальному костюму центральной группы.

<…>

Украшения мужского костюма были найдены в погр. 7 - бронзовый перстень с овальным щитком, украшенный растительным орнаментом, на груди располагалась круглая бронзовая бусина (пуговица?), вероятно, застегивавшая ворот рубахи.

В мордовском женском костюме эпохи позднего средневековья монеты довольно часто использовали в качестве украшения - привесок к сюлгамам, головным уборам, обуви. В погребениях они были зафиксированы также в составе ожерелья, серег и т.д. После середины XVIII века монеты перестали употреблять в качестве дополнительного украшения костюма. Их полностью заменили жетоны западноевропейского происхождения.

В одной трети раскопанных погребений могильника (№№ 1,4, 9, 12, 15) обнаружены монеты. В четырех погребениях они располагались в области черепа (№№ 1, 9, 12, 15), в двух – в области пояса (№№ 1,4). Все монеты датируются 20-ми годами – серединой XVIII в. Поскольку монеты не содержали отверстий, они отнесены к сопровождающему погребальному инвентарю.

Шелехметский I грунтовой могильник датируется по монетам и шелехам 20-80 гг. XVIII века. Судя по ориентировке черепов погребенных, составу погребального инвентаря и украшениям костюма, могильник был

оставлен мордвой-мокшей. В погребениях не было найдено православных символов, следовательно, население еще исповедовало язычество.»

Смирнов Ю.Н. Население лесостепного и степного Заволжья в конце XVIII - начале XIX веков // Самарский земский сборник. 2013. № 1 (22). С. 140-150.

«До осуществления губернской реформы Екатерины II число жителей заволжских территорий Оренбургской губернии вместе с левобережьем Самарского уезда составляло примерно 85 тыс. чел. обоего пола. На юго-восточных окраинах прежней Казанской губернии, строго говоря, относящихся к исторической территории Закамья, но отошедших в состав Ставропольского и Самарского уезда в их новых границах, а потому и учтенных вместе с другими заволжскими территориями, проживало более 30 тыс. чел.

Таким образом, в северной части Заволжья, взятой в изменившихся административных единицах, численность населения увеличилась за 1780-е - 1810-е гг. с приблизительно 115 тыс. чел. до 308122 чел. Это означает его рост почти в 2,7 раза. В сопоставимых границах население северо-запада Заволжья, вошедшего в Симбирскую губернию, выросло всего лишь менее чем на треть. Отсюда становится очевидным, что основной прирост жителей приходится на северо-восток края, находившийся в составе Оренбургской губернии.

<…>

До последней четверти XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Заволжье происходило относительно медленно. Дворянские вотчины имелись только в северных и приволжских районах края. На рубеже XVIII - XIX вв. дворянское землевладение интенсивно расширяется уже не только в лесостепной зоне, но и в Степном Заволжье. Помещичье землевладение росло за счет покупок земель, царских пожалований, прямых

захватов, которые затем утверждались в ходе Генерального межевания. Проведение Генерального межевания стало важнейшей акцией правительства, необходимой для упорядочения землевладения, разрешения споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрения к заселению и освоению новых территорий. В 1797 г. было объявлено о начале Генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях в полном масштабе. Это еще более стимулировало активность помещиков в приобретении земель и заселении их своими крепостными. Помещики были поставлены при этом в самые благоприятные условия.

<…>

На казенных землях, так называемой «Уральской степи» к югу и востоку от г. Самары были «населены по открытии Симбирской губернии здешнею палатою переведенцами из разных селений» поселки государственных крестьян: Русские, Мордовские и Чувашские Липяги, Дубовый Умет, Чернореченская, Спиридоновка, Колывань. Их население быстро росло. Если в 1783 г. в Дубовом Умете числилось 54 души м.п. ясачных и экономических крестьян, то в 1799 г. их уже было 164 души м.п. За тот же срок население Спиридоновки увеличилось со 121 души м.п. до 220 душ, а Чернореченской - с 27 до 123 душ м.п. Рост числа жителей происходил за счет переведенных «по позволению палаты». Кроме того, на землях этих трех поселков к началу Генерального межевания возникли еще два селения, Бобровка и Березовый Гай.

В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне село Студенцы).

Переселенческие потоки на территории Симбирской губернии, где свободных и незаселенных пространств оставалось не очень много, да и располагались они невдалеке от уездной Самары, контролировались

местными властями более тщательно, чем оренбургской администрацией.

<…>

Власти и межевщики в восточных уездах Заволжья ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых поселков на свободных землях. Так, документы очередной 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799-1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Тульской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую украинские, русские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний. Переходы из дальних мест сочетались с образованием выселков из здешних разросшихся селений. <…>

С 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Рязанской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерний и некоторых уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ м.п., в основном русских государственных крестьян, а кроме того более 1066 душ м.п. крестьян мордовских, 363 души м.п. - чувашских, 230 душ м.п. - татарских. Более сложным в этническом отношении оставался поток переселенцев в северо-восточные уезды Заволжья, поскольку в нем большее значение сохраняли традиционные пути из многонациональных соседних губерний Средней Волги. Но и здесь русские составляли больше половины всего числа новоселов. За 1799-1811 гг. среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. ревизских душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей.

<…>

Наряду с казенными, активно переселялись в Заволжье дворцовые крестьяне. Они реже продвигались вглубь неосвоенных районов, предпочитая оседать на еще весьма свободных землях удельного ведомства,

тянувшихся, не удаляясь от Волги, от Черемшана до Иргиза. В 1794 г. в с. Верхнее Санчелеево под Ставрополем было переведено несколько десятков дворцовых крестьян из Краснослободского уезда Пензенского наместничества. Неподалеку возникли новые мордовские деревни Васильевка и Мусорка. Основателями последней стали пришедшие сюда в 1795 г. новокрещены из Алатырского (289 чел. об.п.) и Котяковского уездов (53 чел.) Симбирского наместничества. Новокрещенная мордва (177 чел.) перешла тогда также из Алатырского уезда в Самарский в дворцовую деревню Спиридоновку. В 1791 г. «Федор Спиридонов с товарищи в числе 8-ми ревизских душ с семействами перешли» в Самарский из Карсунского уезда Симбирской губернии и основали д. Нижнюю Падовку. В 1793 г. появилась гораздо более многолюдная д. Верхняя Падовка (725 чел. об.п.), заселенная дворцовыми крестьянами из Алатырского уезда.

Кроме соображений материальных, к переселению толкало стремление избежать на новом месте религиозных гонений. Вслед за старообрядцами, которым разрешили поселяться на Иргизе, туда же устремились сектанты-молокане. По совету основателя секты Уклеина, в 1792 г. из Балашовского уезда Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 молокан и основали село Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по тому же Иргизу (Канаевка, Константиновка), по Чагре (Хворостянка, Острая Лука), по Моче (Сухая Вязовка, Яблоневый Овраг, Богдановка). «Во всех этих поселках уже в конце XVIII века молокан числилось 970 душ об. пола». Молоканские поселки возникали не только в вышеперечисленных местах будущего Николаевского уезда, но и в южной части Бузулукского. В 1809 г. на реке Съезжей беглые солдаты и крестьяне из молокан поставили первые 10 дворов в Алексеевке (Землянке). «Для избежания преследования со стороны начальства поселенцы старались совсем не делать дороги к своему селению и самые жилища поставили в овраге в далеком друг от друга расстоянии».»

Ведерникова Т.И. Этнокультурные процессы в среде полиэтничного населения Самарского Заволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография. Самара, 2014. С. 181-219.

«Формирование полиэтничного населения Самарского края происходило в XVII – XIX вв. несколькими путями, с различной активностью на каждом этапе: военно-правительственным, осуществлявшимся методом строительства крепостей и оборонительных линий в начале XVII – 30-х гг. XVIII вв.; церковно-монастырским – методом раздачи земель духовным лицам и переводов крестьян на новые места жительства; дворянско-помещичьим землевладением, активно поддерживавшимся государством, начиная с 30-х гг. XVIII в.; вольно-крестьянскими миграциями, с середины XVIII в. поставлявшими основную массу переселенцев в Заволжье.

К заселению степных пространств Заволжья российское правительство привлекало не только русских крестьян, но и выходцев из мордвы, татар, украинцев, чувашей. <…>

К началу XIX в. земледельческим населением были освоены в большей мере северные и северо-восточные уезды Самарской губернии – Самарский, Ставропольский, Бугульминский, Бугурусланский. В XIX веке аграрное освоение распространилось, главным образом, на южные и юго-восточные - Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды, где еще существовало значительное количество незаселенных земель, зачастую принадлежавших кочующим народам.

Различия в освоении указанных территорий подчеркивались И.М.Красноперовым: «Проезжая Бузулукский уезд с запада на восток, т.е. вдоль всего уезда, вы заметите большую скученность населения в западной и северной его частях, нежели в восточной. Главная причина такого неравномерного распределения населения в уезде заключается в направлении

русской колонизационной волны с запада на восток, преимущественно в первой четверти текущего (XIX) столетия. В направлении колонизации Бузулукского уезда мы замечаем совершенно аналогичное явление с Ставропольским: как там, так и здесь пришлое русское население первоначально селилось по берегам рек и речек, подвигаясь постепенно вглубь уезда с запада на восток, тогда как инородческое население с востока подвинулось навстречу русскому населению по другим рекам и речкам. Но в Ставропольском уезде инородческое население с течением времени перемешалось с русским населением, а некоторые отдельные его ветви, например, мордва, почти совершенно ассимилировались с русскими, чему помогла, главным образом, общность культурных начал, лежащих в основе занятий и образа жизни того и другого населения ..

<…>

.. в XIX в. завершилось формирование современной карты южных районов Самарской области. В разноэтничном составе жителей наиболее характерным в указанный период было соседство русских с украинцами и мордвой.

<…>

Одновременное движение различных этнических групп из многих губерний России вело к образованию на бывших калмыцких землях смешанных селений. Так, с. Краково, возникшее в 1845 г., заселилось выходцами из Симбирской губернии, Алатырского уезда села Манадыш и деревни Дюрек. Еще в 1843 г. жители указанных селений получили разрешение переселиться «восьмидесяти ревизским душам русских и таковому же количеству мордвы. В 1844 году некоторые из переселенцев явились на новую землю для сенокоса, а к озимому посеву и все способные к работе двинулись сюда». В 1855 г. в с. Краково прибыли еще мордовские переселенцы из Алатырского уезда села Кочкурова. Таким образом возникло русско-мордовское селение; последующие переселения в село дали численное преобладание мордве - эрзе. «По 10 ревизии (1858 г.) в Кракове

уже состояло 254 души. Сделавшись из коронных удельными, в 1864 году они стали крестьяне – собственники».

<…>

В заселении мордвой Самарского Заволжья в XIX в. существовали некоторые особенности по сравнению с предшествующим временем: если для XVII-XVIII вв. было характерно заселение северных районов, то сейчас, аналогично русским переселенцам, мордва направлялась и в южные уезды Самарской губернии.

Основной причиной переселений мордвы в Заволжье в указанный период по-прежнему оставалось малоземелье в районах прежнего ее обитания. В.П. Тумайкин, рассматривая рост переселений в XIX в., писал, что «подавляющее большинство мордвы относилось к разряду государственных крестьян и в меньшей степени - к удельным. Помещичьи крестьяне из мордвы составляли лишь около 9% от общей численности мордовского крестьянства. Поэтому значительные ее переселения в районы левобережья Средней Волги следует объяснять ростом относительного аграрного перенаселения и разложением мордовской сельской общины в ходе развития в ней капиталистических отношений». Вследствие этого только за 10 лет количество селений, где проживала мордва в Самарской губернии, увеличилось с 203 в 1859 г. до 279 в 1869 г.

По данным М. Гребнева, в первой четверти XIX в. мордовскими переселенцами в Заволжье были образованы селения: в Самарском уезде - Мордовская Липовка, Горки, Тростянка, Шиланский Ключ, Рузаевка, Вязовка, Никольское (Красные Дома); в Ставропольском уезде - Никольское, Выселки, Верхнее Санчелеево, Пискалы, Узюково, Александровка, Новая Бесовка, Новая Малыкла, Бирля, Васильевка, Чувашский Сускан; в Бугульминском уезде - Домосейкино, Новые Маклауши с деревней Тириклою, деревни Дмитриевка и Измайлова, Секретарка, Новая Борискина, Петровская и Тихоновка; в Бугурусланском уезде - Кирюшкино, Семеновка, Захаркино, Вечканово, Исаково, Ново-Ганькино, Мартыново, Григорьевка,

Мордовская Бокла, Нойкино, Пронькино, Рычково, Красноярка, Павлушкино, Петровка, Большой Сурмет, Борискино, Зернаевка, Камыш-Садак, Тимошкино, деревни Емантаева и Радовка; в Бузулукском уезде - Гришкино, Благодаровка, Георгиевка, Филипповка, Неприк, деревни Новотоцкая, Каменка, Пронькина, Шулаевка, Шестаковка, Большая Ремизенка, Кималовка; в Новоузенском уезде - с. Калдино.

К заселению бывших калмыцких земель в районе Ставрополя правительством привлекались, наряду с русскими переселенцами, и мордовские крестьяне. Среди мордвы - эрзи д. Лопатино Ставропольского района Самарской области сохранились предания о кочевьях калмыков в окрестных степях и перелесках и о переселении мордвы в эту деревню из с. Атяшева Симбирской губернии на земли, принадлежавшие уделу. Эти предания подтверждаются и архивным «Делом по отношению Самарской удельной конторы о поселении новой деревни Лопатиной в удельном имении Ставропольского уезда».

В 1858 г. вместе с русскими переселенцами из Курской, Нижегородской, Пензенской и Тверской губерний в Царевщинском приходе Самарского уезда по р. Сок на бывших калмыцких землях поселилась и мордва из Бугурусланского уезда. Причиной их переселения явилось малоземелье в прежнем районе жительства.

По-прежнему районами выселения мордвы в Заволжье оставались средне-волжские губернии - Казанская и Симбирская, а также правобережье Волги - Пензенская, Саратовская и Тамбовская губернии. Характерным для исследуемого периода явилось преобладание выходцев из правобережья Волги; наибольшее количество мордовских переселенцев явилось в заволжские степи из Пензенской и Тамбовской губерний. Об этом свидетельствуют данные восьмой переписи населения Самарской губернии.

В XIX в., по сравнению с более ранним периодом, среди мордовских переселенцев численно преобладала мордва-мокша. Так, «в трех исследованных земскими статистами уездах - Бугурусланском, Бузулукском и

Ставропольском преобладающее население (среди мордвы - Т.В.) принадлежало к ветви мокши, тогда как в Бугульминском уезде эрзя составляла значительное большинство».

Не имея возможности образовывать новые селения с большими земельными владениями, в указанный период мордва селилась дисперсно с иноэтничными жителями. В южной части Самарской губернии мордва проживала в основном в смешанных селениях, «хотя основная масса ее находилась в селениях, где она составляла большинство».

Согласно «Списков населенных мест Самарской губернии» на 1859 г. здесь мордвы насчитывалось около 140 тыс. человек. Численность мордвы по уездам показывает следующая таблица (подсчитано В.И. Козловым):

Уезды	**Данные «Списков населенных мест» 1859 г. (тыс. чел.)**	**После исправления с округлением**	**% мордвы по уезду**
Бугульминский	13,1	19	10,9
Бугурусланский	43,6	50	20,9
Бузулукский	12	16	5,3
Самарский	23,1	10	6,0
Ставропольский	19,8	24	13,6
Николаевский	21,4	14	5,0
Новоузенский	7,0	2	1,1

По данным «Списков инородческих селений Казанского учебного округа» на 1869 г. в губернии проживало уже 174867 чел. мордвы, по уездам: в Бугульминском - 27564, Бугурусланском - 58823, Бузулукском - 24124, Самарском - 16693, Николаевском - 15651, Новоузенском - 2541.

В целом к 1869 г. в Самарской губернии насчитывалось 279 селений, в которых проживала мордва. Смешанный этнический состав этих селений представляет таблица, составленная В.П. Тумайкиным:

Уезд	Мордов.	Морд-рус.	Морд-чув.	Морд-тат.	Морд-рус.-чув.	Морд-рус-тат.	Морд-рус-мещер.	Морд-рус-башк.	Морд-рус-тат-чув.	Всего в уезде
Бугульмин.	34	3	2	-	2	-	-	1	1	43
Бугурус.	64	25	2	2	3	1	-	-	-	97

Бузулук.	11	29	-	1	1	2	-	-	1	45
Самар.	16	15	-	-	2	-	1	-	-	34
Ставроп.	13	14	2	-	1	1	-	-	1	32
Николаевс.	5	15	-	-	-	-	-	-	-	20
Новоузен.	1	7	-	-	-	-	-	-	-	8
Всего в губ.	144	108	6	3	9	4	1	1	3	279

В большинстве смешанных селений заволжская мордва проживала совместно с русскими; нередко это вело к ее обрусению. Сведения об ассимиляционных процессах в среде мордвы Самарского Заволжья появились уже в 1880-е гг. Авторы «Сборников статистических сведений» исключили мордву из перечня этнических групп Самарского уезда. По их мнению, «она в настоящее время почти совершенно утратила свои племенные отличия и вполне ассимилировалась с великорусским элементом». М. Гребнев в своем исследовании (1886 г.) сделал заключение: «Дело обрусения мордвы подходит к концу. Еще какая-нибудь сотня лет, и от мордовского имени в Самарском крае останется одно воспоминание». При этнографическом обследовании нами в 1980 г. селений, которые по данным «Списков населенных мест» названы мордовскими, на территории бывших Николаевского и Новоузенского уездов, обнаружилось, что их жители считают себя русскими по культуре и языку.

В определении численности мордвы в Самарском Заволжье в XIX в. существуют некоторые сложности. На них обращает внимание В.И. Козлов: «Общая численность жителей в селениях, отнесенных составителями «Списков населенных мест Самарской губернии» к числу мордовских, резко превышала численность мордвы по тем же уездам, приведенную во вводном очерке к «Спискам». Исследователь объясняет это явление тем, что «в начальный период заселения края мордва была основателем многих селений. По традиции они впоследствии долго считались мордовскими, хотя мордва в них составляла уже меньшинство населения или успела совершенно

растворить в массе более поздних, но и более многочисленных пришельцев».

<…>

Таким образом, в трех северных уездах Самарской губернии - Бугульминском, Бугурусланском и Ставропольском русские лишь незначительно превосходили по численности остальное население (50,8 % против 49,2%). В Бугульминском уезде проживали в основном татары и башкиры, они составляли 49,1% от всего населения уезда; в Бугурусланском уезде значительный процент составляла мордва (24% всего мордовского населения губернии) и татары (9,47%). В двух южных уездах - Николаевском и Новоузенском 1/3 населения составляли немцы, которых в одном лишь Новоузенском уезде числился 41%. Только 2 уезда - Самарский и Бузулукский были со значительно преобладавшим русским населением.

В расселении русских, мордвы, татар и чувашей с начала до середины XIX в. произошли значительные изменения. В начале века на территории Самарского Заволжья преобладали однонациональные селения. Так, из 816 селений пяти уездов (Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Самарского и ставропольского), существовавших ко времени Генерального межевания (1801 г.), 409 являлись русскими, 96 - мордовскими, 91 - татарскими, 84 - чувашскими, лишь остальные 136 - разноэтничными (подсчитано нами).

<…>

Разнородное по этническому составу население Самарской губернии принадлежало в XIX в. к 3 социальным группам - государственных, удельных и помещичьих крестьян. Бывшие ясачные из мордвы, татар и чувашей с XVIII в. были причислены к категории государственных и удельных крестьян. Так, среди государственных крестьян губернии в предреформенный период 39% составляли мордва, татары, украинцы и чуваши. Они имели большие земельные наделы, чем русские, но «положение их было более тяжелым, так как они подвергались не только социальному, но

и национальному угнетению». Значительное количество мордвы и чувашей состояло в XIX в. в крепостной зависимости. <…>

В зависимости от этнической принадлежности, наибольшим количеством жителей отличались татарские и чувашские селения; за ними следовали мордовские и русские. Во второй половине XIX в. людность мордовских селений значительно уменьшилась, что было связано главным образом с процессом образования новых селений в результате продолжавшегося распада большой патриархальной семьи и выделения из нее малых семей, организовывавших свои хозяйства. <…>

В «Сборнике статистических сведений по Самарской губернии» в 1885 г. в Бузулукском уезде отмечено, помимо численно преобладающих православных, наличие молокан и субботников: «В Виловатовской, Павловской и Максимовской волостях молоканства и субботничества придерживаются преимущественно крестьяне бывшие государственные – переселенцы из Тамбовской и Пензенской губерний. К ним принадлежит немало и мордвы, но ни один мордвин не придерживается староверства».»

Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском Географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского госуниверситета. 2013. № 8/2 (109). С. 70-72.

<…> Обширное «Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» было составлено коллежским секретарем Н.В. Вороновым.

<…> В подсчетах численности этнических групп по отдельным территориям Воронов в частности отмечает заметную долю мордвы. Так в Самарском уезде она составляла вторую по количеству народность (7320 душ мужского и 7955 женского пола), уступая русским (соответственно 68736 и 75566 душ), но заметно превосходя чувашей (2964 мужчин и 3206 женщин) и татар (соответственно 2730 и 3049 чел.). Второй по численности этнической группой мордва, по сведениям Воронова, была и среди населения всей

Самарской губернии, насчитывая 64288 душ мужского и 68977 женского пола.

Однако Воронов полагал, что численность жителей мордовского происхождения была еще выше, но ее сокращали процессы ассимиляции. Он писал, что «мордва исключительно занимается земледелием», что представители этого народа «трудолюбивы, отличаются простотою нрава, вообще высоки ростом и крепко сложены», и «там, где они живут в ближайшем сообщении с русскими, они не чуждаются родственных отношений с последними, и в таких случаях оставляет свою народную одежду и даже свой язык». Воронов приходит к выводу: «Мордва во многих селениях до такой степени обрусели, что совершенно изгладились следы их племенного происхождения, и потому в настоящее время невозможно получить об них верных численных данных. Для примера можно указать на два селения в Самарском уезде, Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 тыс. жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они, во всех официальных сведениях признаются за русских по невозможности отделить их число от сих последних. Такое стремление Мордвы к восприятию русских нравов разительнее всего обнаруживается тем, что во всех мордовских селениях, даже там, где вовсе нет русских, можно услышать только русские песни. Новое поколение совершенно не знает мордовских песен, которые хранятся теперь только в памяти стариков».

СЕЛЬСКОЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ

Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском Географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского госуниверситета. 2013. № 8/2 (109). С. 69-72.

По материалам, представленным из селений Самарского и Ставропольского уездов, чиновник … А. Каминский составил в 1854 г.

«Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельного имения» (Р.№34.Д.22). <…>

<…> Каминский наблюдал, что мордва Заволжья любит и усердно занимается хлебопашеством, а их женщины «превосходно пекут ржаной хлеб». Из занятий, которые в целом отличают местную мордву от соседей-хлебопашцев из других национальностей, автор выделяет пристрастие к охоте, для чего «они держат много борзых и дворовых собак, с которыми по первовыпадшему снегу, или пороше, ездят … травить зайцев и волков». Чиновник удельного ведомства не очень доволен таким увлечением своих подопечных, из-за которого теряется «много времени» и крестьяне, «преследуя этих зверей, нередко портят своих лошадей».

Как еще одну особенность этого народа Каминский отмечает: «Мордва знают действия многих полезных и вредных трав». Это знание использовалось и в домашних промыслах (например, «на залогах вырывают они корни травы Марены и ими отлично красят в красный цвет шерстяные и льняные нитки для вышивания своих нарядов»), и в народной медицине, и в ворожбе, которой их «женский пол … славился», что признавали даже русские соседи. Впрочем, утверждает Каминский, несмотря на приверженность суевериям, удельные крестьяне из мордвы – поголовно православные, высоконравственные и очень набожные люди, не начинающие никакого дела без молитвы: «Молитвы их просты, относятся к одному Вседержителю, всегда с твердым упованием на его милосердие и помощь. Они молятся не об одних самих себе, но о целом мире. Душа их проникнута чистою верою».

<…> «Опыт описания экономического быта крестьян села Титовки Самарского уезда» был составлен Н.Е. Симаковым позднее, уже в 1878 г., но содержит этнографические сведения о местном мордовском населении и более раннего времени. … Симаков считал мордву лучшими знатоками сельского хозяйства, находил у них больше «удобств и приспособлений для помещений скота и других продуктов», а устройство усадьбы полагал очень

практичным, благодаря тому, что скот никогда не ходил по ней «чистым двором».»

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 44-46

«Тяготение мордовского населения, основой хозяйства которого с давних пор являлось земледелие, к рекам объясняется тем, что речные долины были более удобны для распашки. По названию рек часто называли и селения. Например, в Бугульминском уезде из 49 сел 9 получили название от рек и речек: с. Черемшанская, выселка Камышлинка, выселка Самолейка и т. д. Такое же явление наблюдается в Бузулукском уезде: с. Каменка, с. Толкаевка, с. Коноваловка.

По характеру планировки мордовские селения Заволжья подразделялись на беспорядочные, концевые, рядовые, уличные и квартально-уличные.

<…>Рядовая планировка встречается и в поселках в 20-30-е годы. Улица состояла из одного ряда домов, перед окнами которых располагались хозяйственные постройки – мазанки, амбары и бани. Таков один из концов с. Малый Толкай ныне Похвистневского района, известный под названием трокспе.

Селения с концевой планировкой состояли, как правило, из нескольких концов, в которых нередко проживали представители разных национальностей. При концевой планировке направление улиц часто определялось также проходящими через селение дорогами.

Ко второй половине XIX века в результате правительственных мер и рекомендаций возникает новый – улично-квартальный тип планировки. Согласно проектам проводилось выравнивание улиц, соединенных между собой переулками. Застройка усадеб производилась гнездами двудворного типа. Гнездо от гнезда отделялось переулком, через два или три гнезда оставлялся прогон.

Но были селения, сочетающие в себе как беспорядочную, так и уличную форму. Беспорядочная часть, как правило, была в виде удаленного конца селения. Например, село Старый Байтермиш состоит из трех основных улиц с двурядной застройкой и беспорядочно разбросанных на склонах групп домов и отдельно стоящих построек.

Наиболее распространенными в Заволжье были уличные формы. При этом дома располагались по обе стороны формообразующего элемента (чаще дороги) и были обращены фасадами друг к другу. С ростом селений создавались новые улицы, переулки, и селение приобретало квартально-уличную планировку.

Основными типами поселений мордвы были деревни и села (веле – эрз., мокш.). Жилищем мордвы Заволжья служила изба (куд, кудо). Наряду с рублеными избами встречались глинобитные и глинолитые дома.

Жилой дом в с. Шелехметь.

В XVIII-XIX веках жилищем мордвы являлась курная изба. С.Архангельский так описывал: «...изба (куд) – черная с сенями, всегда на двор и непременно боком к одной стороне двора или глухим боком на улицу, окошками на двор, к ней в стене на улицу делается печь. Окна волковые, у редких в середине одно. У многих в избах делается по две двери: одна внутренняя, отворяется внутрь избы, чтобы во время топки печки стужа не входила в избу, а дым свободно выходил. Другая дверь наружная, предохраняющая от стужи. Для свободного выхода дыма делалось два

продолговатых волковых окна. Печь в том углу, где у русских делается чулан. К печке приделывается козенка, из досок сделанная кровать, далее полати, под ними широкая кровать, а подле ее гнездо для свиньи с поросятами. Дворы огорожены плетнями и над ними сараи крепкие, от зверя и вора безопасные».»

Ведерникова Т. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991. С. 9-10, 36-38, 57-58, 70-71.

«<…> мордовские деревни располагались вблизи леса или по склонам холмов и балок, спускаясь к небольшой речке или ключу, бьющему на дне оврага … это долинно-овражный тип расселения. <…>

Дома издавна строили из дерева, в степных районах Самарской области можно встретить у мордвы наряду с рубленными глинобитные дома и жилища, сложенные из дерна.

Традиционное мордовское жилище… было двух типов: трехраздельное и двух раздельное. Трехраздельный дом состоял из жилой избу – куд (м), кудо (э), сеней – кудонголь (м), кудыгельс (э), горницы – горньча. …Изба являлась постоянным жилищем для всей семьи, зимой – отапливалась; горница использовалась по-разному: иногда в ней жила семья родственников, ибо она считалась «чистой», парадной комнатой, но значительно чаще служила местом, где хранилась утварь и продукты, только в летнее время была спальней. Как правило, все три помещения располагались на одной линии под одной крышей, дом стоял перпендикулярно улице, реже встречались Г- и П- образные постройки.

Крыши у мордовских домов преобладали соломенные, иногда солому обмазывали глиной, в Самарском крае были распространены жилые постройки со сплошной наружной глиняной обмазкой.

В старых избах у мордвы чаще всего было два окна, одно – на улицу, другое – во двор. До появления стекла в конце XIX в. окна затягивали

пузырем животного или слюдой.

<…> у мокши преобладала южнорусская планировка, при которой русская печь стояла в дальнем углу избы, а ее устье было обращено к окну боковой стены; красный угол – справа или слева от двери; для эрзи была характерна среднерусская планировка, при которой русская печь стояла в одном из углов при входе, устьем она обращалась к окнам в передней стене, выходящей на улицу, а красный угол – против двери по диагонали от печи.

Для старой мокшанской избы характерен кершпель – дощатый настил в виде нар на высоте 30-35 см от пола шириной 1-1,5 м, длиной на пространство между печью и задней стеной. На кершпеле спали, под ним хранили картофель. В эрзянских избах кершпель не встречался, для них были характерны потали над дверью.

Вдоль стен в избе располагались неподвижные широкие лавки – эзем, над ними – полки. Рядом с печью находился … шкаф-ларь – потмар, в котором хранили посуду и продукты. В переднем углу стоял стол, над ним висели иконы.

Двор… непосредственно примыкал к дому и имел форму прямоугольника или квадрата. Для мокши характерна разбросанная застройка двора, у зрзи встречались закрытые дворы с однорядной застройкой, в Самарском Заволжье широко распространялась двурядная связь с покоеобразной застройкой двора. В числе хозяйственных построек у мордвы бытовали хлев, конюшня, сарай, баня; архаичной постройкой у мордвы считается подвал (выход), который обычно строили на улице, против окон избы. Он представлял собой полуземлянку, состоявшую из двух камер, углубленных на 0,7-1 м в землю, двускатной крышей из дерна, каменной передней наружной стенкой. Служил подвал хранилищем на случай пожара наиболее ценного имущества – одежды и зерна, иногда здесь летом спали.»

Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки. – Самара, 1996. С.20.

«Планировка мордовской усадьбы… включала в себя двух- или трёхкамерное жилище и отдельно стоящие от дома хозяйственные постройки. Трёхкамерное жилище состояло из жилого помещения (куд-мокш.), сеней (кудонголь-мокш.) и горницы (горньча). Жилище мордвы-мокши, как указывалось выше, вплоть до 1950-х гг. по своей конструкции, планировке, строительному материалу сохраняло традицию дореволюционных лет.

Мокшанский дом ставили без фундамента, на так называемых «стульях» - врытых вровень с землёй дубовых столбах, на них клали первый венец строения. Строили из сосновых брёвен; на Самарской Луке саманные и глинобитные дома, в отличие от степных заволжских районов, практически не встречаются.

Дома мордвы-мокши в массе своей крыты двухскатной кровлей; встречаемые и сегодня четырёхскатные крыши – дома «шатром» (вход в них сбоку) рассматриваются как более архаичные. Четырёхскатное жилище при свободных типах застройки усадьбы располагалось параллельно улице. Подобные «шатры» отличают сегодня мордовское традиционное жилище в с.Бахилово..»

Фрагменты наличников. с. Шелехметь.

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 24-42.

«Основными возделываемыми культурами мордвы Заволжья были рожь, пшеница, полба, ячмень, овес, просо, гречиха; из бобовых – горох; из корнеплодов – картофель, репа; из технических – лен, конопля и т. д. Важное место в полеводстве составляла озимая рожь. <…>

После ржи самой распространенной культурой в здешнем полеводстве являлся овес. Он высевался во второй половине апреля, местами в первых числах мая, нередко в смеси с полбой. … Овсом кормили рабочий скот. Определенная его часть, перемешанная с ржаной мукой, поступала на винокуренные заводы. <…>

Не менее распространенной в полеводстве была пшеница. В некоторых уездах, например, в Бузулукском, Бугурусланском, она занимала ведущее место и составляла главный продукт земледелия. <…>

Из прочих хлебных растений повсеместно выращивали ячмень. …Из него приготовляли ячневую крупу, солод, пекли хлеба, а в смеси с овсом он шел на корм рабочему скоту. Сеяли его в мае после посева пшеницы, а убирали первым из яровых.

Полба, как и ячмень, возделывалась только для местного продовольствия жителей. Урожаи ее составляли от 8 до 20 четвертей с хозяйственной десятины. Просо сеяли не во всех уездах Заволжья. Самое лучшее просо было в Бузулукском уезде, которое отличалось крупностью зерна, чистотой и вкусом. Оно славилось по всей губернии, и стоимость его была довольно высокой – от 35 до 80 и более копеек серебром за пуд. В этом регионе возделывалась и гречиха.

Из бобовых растений выращивали горох. … Из овощных культур в здешних местах сажали картофель и репу. Репа сеялась под борону, после двукратной распашки земли.

Из технических растений сеяли лен и коноплю. Лен по большей части шел для домашних нужд. Его продавали в небольшом количестве. …

Коноплю сеяли. Землю под коноплю обрабатывали несколько раз и обязательно удобряли навозом, притом грунт выбирался более мягкий и рыхлый. <…>

В Заволжье из-за разнохарактерности почв применялись следующие пахотные орудия: соха с перекладною палицей; косуля с одним резцом, с лемехом и деревянным прогнутым отвалом; сабан и малороссийские плуги.

Соха состояла из одного-двух сошников, которые насаживались на рога рассохи и укреплялись клиньями. Ширина сошников делалась различной – от 3 до 5 вершков при пропорциональной длине. На оглобли укреплялась черень палицы. Соха с перекладною палицей (русанка) по простоте своего устройства занимала главенствующее место в землевозделывании в Заволжье.

Устройство косули сходно с сохою. Она состояла из сохи, двух сошников, лежащих горизонтально деревянному отвалу, валека и двух оглобель.

Из железных земледельческих орудий использовался в основном двухколесный плуг. У зажиточной части крестьян были в ходу и четырехконные плуги. Колесный плуг состоял из трех главных частей: длинного широкого деревянного бруска, изогнутого, с толстыми веревками на концах – для прикрепления оглобель; передка на колесах, прикрепленного к бруску, и длинного дышла, ножа-резца, железного лемеха, деревянного отвала и рукояти.

Распространенным орудием у мордвы (Бугурусланский, Бугульминский уезды) был также сабан. Он использовался для пахоты тяжелых почв (луговых и залежных земель).

Для рыхления почвы употреблялись … деревянные бороны (инзама - м., инзамо - э.). Деревянная борона состояла из пяти брусьев, скрепленных двумя досками. В бруски вставлялись деревянные, в основном дубовые, зубья. Употреблялись также железные зубья. На подсеках мордва употребляла как плетеные бороны, так и бороны-суковатки (Бузулукский,

Бугурусланский… уезды).

Убирали хлеб в основном серпом. Для слишком низкого и редкого хлеба или чрезмерно травянистого употребляли косу с граблями. Она состояла из деревянной изогнутой рукоятки, железной косы и деревянных грабель, которые приделывались к пятке косы. Это орудие применялось для уборки овса, гречихи, гороха, чечевицы.

<…> Перед обмолотом хлеб сушили. Бытовало два вида зимних сушилок: овин и шиш. Шиш – самая примитивная форма, характерная для поволжских крестьян, которую охотно переняло и русское население. Он представлял собой яму с обожженными стенками или выложенную камнями. Над ямой устанавливались колья, вершины которых связывались, образуя конус. Этот конус обкладывался снопами, колосом внутрь. В яме разводился слабый огонь и теплый дым, пробиваясь сквозь снопы, просушивал зерно. В шишах в течение 13-15 часов можно было сушить от 100 до 300 снопов.

<…> Для сушки хлеба у мордвы Заволжья использовалась также и рига. Она представляла собой однокамерную сушилку без ямы. Топка в ней находилась в том же помещении, где сушились снопы. В стене прорубали окно для подачи снопов, а наверху устраивали второе для выхода дыма. Сбоку от печи на переводах делались колосники, которые могли сдвигаться и раздвигаться. Снопы ставили на колосники в один ряд колосьями вверх.

Высушенный хлеб молотили цепами на току около овина. Пользовались в основном цепами русского типа. Высушенные снопы раскладывали в два ряда, колосьями в середину. Сначала молотили снопы, не развязывая свясла, затем, разрезав серпом связку, домолачивали в разбивку. По окончании молотьбы убирали солому. …Затем растирали и разметывали вымолоченное зерно с мякиною, сгребая полову граблями и метлами. Обмолоченное зерно от мякины очищали посредством веяния. Во многих местах Заволжья у мордвы, как и у русских, хлеб молотили волами и лошадьми, преимущественно летом, после посева яровых хлебов.

Для размола зерна использовали ручные жернова, деревянные ступы,

ветряные и водяные мельницы. …

Хлебные запасы, необходимые для собственного потребления, хранили в амбарах. Они разделялись на несколько сусеков для закладки разного сорта хлеба.

<…> Многие исследователи отмечали высокий уровень развития животноводства у мордвы. В частности, Н. Малиев писал: «Мордва народ зажиточный: и пища у него лучше и одет он лучше, общий уровень экономического довольства выше окружающего населения. Скотоводство сильно развито: лошади, коровы, овцы встречаются у каждого мордвина».

<…>

Господствующей породой лошадей в Заволжье была башкирская – мелкорослая, но мускулистая, крепкая и быстрая. Наряду с этим у мордвы использовались лошади русской и киргизской пород. Стоимость лошадей в зависимости от породы колебалась от 5 до 50 рублей серебром.

<…> Лошадь в основном использовалась как тягловая сила. Мордовские общины обеспечены рабочим скотом были намного выше, чем в среднем по Самарской губернии. <…> Крупный рогатый скот, разводимый в Заволжье, представлял собой мелкую русскую породу.

<…> Мордва Заволжья в большом количестве разводила свиней для получения мяса и щетины. Кроме домашнего потребления, незначительная ее часть шла на продажу. Особенно много свинины закупали судопромышленники, которые заготавливали ее для бурлаков. М. Бурдуков отмечал: «На деревенских рынках лучшие свиные тушки - мордовские». Разводили и коз. От них получали молоко, мясо, кожу и пух.

<…>

Охота относится к числу древнейших занятий мордвы и играла доминирующую роль в их хозяйстве. Письменные источники отмечали Поволжье, в том числе и мордовские земли, как один из поставщиков пушнины. Мордва платила мехами ханам Золотой Орды. Многие исследователи отмечали страсть мордвина к охоте. «Леса породили в них

охоту к звероловству: куда бы мордвин ни ехал, в поле за сеном или в лес, всегда окружает его стая гончих собак. Зимою он нарочно отправляется на охоту травить зайцев, лисиц, волков, и часто хорошая добыча вознаграждает труды его».

В XVII-начале XIX века Заволжье славилось обилием зверя и птицы. В Жигулевских лесах водились черные и бурые медведи, попадалась и рысь. Много медведей было на левобережье Волги. Лучшие сорта самарской белки («самарка») водились в Самарском и Ставропольском уездах. Немало было лисиц и куниц: «...мордва и черемисы, - сообщает П.И. Рычков, платили все куничный и денежный ясак.

<…>

Широко были распространены у мордвы различные ловушки. Так, для поимки волка устраивали следующую ловушку: зимой рыли в поле обширную глубокую яму треугольной формы. Посередине ямы врывали столб так, чтобы его верхний конец аршина на два возвышался над дном. На конце прилаживали колесо, а на него привязывали живого поросенка. Кроме вышеописанных приемов, волков еще ловили «садком». Из жердей, вбитых в землю, строили спирально идущую изгородь. В центре ловушки в особой загородке, в которую волк не мог попасть, помещали в качестве приманки живую овцу. У входа в ловушку устраивалась дверка, открывающаяся внутрь и закрывающаяся под действием собственной тяжести. Отверстие ямы покрывали тонким хворостом и соломой и посыпали снегом. На голос поросенка прибегали волки и падали в яму.

Мордва Заволжья, как и соседние с ней народы, знала несколько способов охоты на медведя. Его ловили капканом с привязанной к нему на веревке массивной колодой. Тяжелая колода мешала медведю быстро освободиться от нее и далеко уйти. Для медведя устраивались также ловушки в виде ямы с боковыми входами. Над центром ямы на подпорках укреплялся большой груз. Как только медведь дотрагивался до приманки, груз обрушивался и придавливал зверя. Широко бытовала охота на залегшего в

зимнюю спячку медведя. Охотники сначала будили зверя, а затем брали его на копья-рогатины.

Для ловли мелких зверей – зайцев, лисиц применяли сети. Их плели из прочных домашних ниток. Длина иногда достигала от 25 до 35 метров. С боков продергивали веревки. При употреблении сети для охоты веревочные концы привязывали к деревьям, а верхняя часть развешивалась на кольях. Группа охотников с шумом загоняла в сеть зайцев, лисиц и т. д. Напуганные звери кидались на сеть, сваливая колья, опрокидывали сети и запутывались.

На мелких зверей и птиц охотились с помощью всевозможных ловушек и силков с приманкой.

В охотничьем быту прочное место занимало огнестрельное оружие. На белку охотились с помощью ружья, при этом стремились попасть обязательно в глаз, чтобы не попортить шкурку.

В конце XIX – начале XX века основная масса охотников пользовалась ружьями. Например, в мордовском селе Лобаз Бузулукского уезда в каждой семье первым долгом считалось иметь ружье, капкан и вятель – плетенка из прутьев у рыбаков, которые лежали на почетном месте, как непременная необходимость его промысла и удовольствия. Главным объектом охоты были зайцы, дикие утки, перелетные птицы.

Следует также отметить, что заволжская мордва воздерживалась от охоты и употребления в пищу некоторых птиц, в частности лебедей, голубей, журавлей. По их представлениям, они считались неприкосновенными, божественными.

В хозяйстве мордвы немаловажное значение имело традиционное занятие рыболовством. Развитию этой отрасли во многом способствовали благоприятные природные условия. … Реки изобиловали рыбой, на Волге ловилось много ценной рыбы: стерляди, осетров, белорыбицы. В старину на Волге мерною рыбою (от глаза до заднего плавника) считались осетры и белуги в 10 четвертей, стерлядь в 10 вершков, если в осетре или белуге не хватало хотя бы одной четверти, при сдаче две рыбы шли за одну. <…>

По данным И. Лепехина, «ловят рыбу мериожами и городьбой. Городьба делается таким образом: через всю реку поперек вколачивают колья, которые укрепляют поперешными шестами и для большей крепости к сопротивлению водяного стремления ставят через четыре или пять кольев упорки, то есть вкось противу стремления воды вбитые колья. С самого дна реки почти до поверхности воды вбитые колья переплетаются широкими лыками, или привязывают нарочно сделанные решетчатые рогожи, оставляя одно место посередине городьбы порожне наподобие ворот. В воротах опускается сеть, сделанная рукавом, в которую попадает идущая сверху с убывающей воды, рыба. ...Солить сию рыбу у них не в потреблении, но они ее вялят, выдержав прежде сутки в крепком росоле, или, как они говорят, тузлуке».

Рыболовство в хозяйстве мордвы имело в основном потребительский характер, рыбу использовали больше для собственных нужд. Но среди жителей селений, расположенных вдоль рек Черемшан, Самара, Кинель, Сок, создавались рыболовецкие артели, которые продавали рыбу, как на местных рынках, так и в Москве, Петербурге. Кроме того, правительство сдавало «рыбные ловли» отдельным лицам за определенный оброк в казну. «Самарцы жаловались, что рыбные ловли по рекам и озерам были сданы Симбирской канцелярией разным частным людям «в вечное содержание».

В реках Кинель, Мочагай, в речках Турханпа, Кармалки, Большой Кундузлы ловили сома, язя, жереха, леща, плотву, окуня, линя. Для зимнего лова рыбы применяли лукошко, сделанное из лыка или прутьев.

Огородничество у мордвы Заволжья имело в основном потребительский характер. Им мордва занималась издавна. Лепехин И. отмечал: «У всех крестьян по Черемшану есть огороды, в которых сажают свеклу, морковь, капусту, огурцы».

Распространение огородничества имело местный характер. В Бугульминском уезде крестьяне возделывали главным образом капусту, картофель, лук, редьку. В Бугульминском, Бузулукском, Ставропольском

уездах выращивали лук, в Николаевском — подсолнечник.

<…>

Садоводство в отличие от огородничества было развито слабо. Во многих мордовских селениях им по существу не занимались. «Садоводства здесь вовсе нет. Лишь часть домовладельцев сажают яблони»,— отмечал И.Тресвятский.

<…>

Одним из древнейших занятий мордвы было пчеловодство, чему способствовало изобилие диких пчел в лиственных лесах. И. Георги отмечал: «Мокшане живут в привольных к лесному пчеловодству местах, есть между ними и такие пчеляки, кои имеют у себя по 100 и 200 ульев». О том, что данный промысел играл важную роль в хозяйстве мордвы, говорит тот факт, что «молодой человек в прежние времена не имел право жениться до того времени, пока не выучится делать «борти». По изучении же этого мастерства, ему выбирали невесту...». Борти – это цилиндрической формы колода, выдолбленная внутри дерева. Первоначальной, наиболее архаичной формой пчеловодства было бортничество.

Мордва Заволжья унаследовала традиционное занятие бортничеством. Переселенцы часто прибывали со своими пчелами и выбирали место поселения в зависимости от удобств для занятий пчеловодством. Изобилие лесов и обширные луговые пространства по берегам рек и речек было удобным местом для этого вида хозяйства. О развитом бортничестве у мордвы свидетельствуют и археологические данные. Так, в одном из захоронений Муранского могильника (Шигонский район Самарской области), датированном XIV веком, найден круг воска. Наиболее древнее письменное указание, где речь идёт о бортном ухожае самарской мордвы, встречается в книгах Вотчинного Архива Московского Древнехранилища (1690 г.). «Верхового бортного ухожая, что на луговой стороне, за бортные вотчины Самарского уезда на Большом Бору выше Сока реки... что бывали за мордвою Казанского уезда деревни Кулунцы... вместо меду у мордвы

деревни Шелехмецкой принимало деньгами».

Для выделывания бортей выбиралось довольно высокое (не ниже 10 аршин) толстое дерево, на ней бортник «ставил знак собственности». Делая зарубки, бортник поднимался все выше и, достигнув определенной высоты, начинал долбить бортным топором в дереве углубления определенной величины. Затем заделывал крупной щепой открытое место, оставив в нем лишь небольшое отверстие, через которое пчелы могли свободно проникнуть внутрь.

Для добычи меда в камеру (в отверстие дупла) вставляли в горизонтальном направлении деревянные планочки, на которых пчелы начинали строить соты.

Мед собирали следующим образом: с помощью деревянной лопаточки выламывали соты, а мед складывали в небольшую долбленую кадушку, которую прикрепляли к поясу за веревку или вешали на сучок. Для окуривания пчел использовали гнилушки, дающие при горении густой дым.

<…> Следующим этапом в развитии этой отрасли является возникновение колодного пчеловодства.

Колодные ульи делались из дуба, вяза, липы с дуплом, длиной до 1,5 м и диаметром от 0,5 до 1 м. Сверху покрывали досками и берестой. Внутри устанавливалось несколько тонких крестовин из палочек. В средней части просверливалось отверстие для пчел. Чтобы улей сохранить от сырости, под него подкладывали бересту, камни, доски. Наряду с дупляником у мордвы бытовал долбленый колодный улей цилиндрической формы и напоминал кадушку — «нешке парь» — «кадушка для пчел». Улья в виде колоды были шагом вперед в деле пчеловодства.

<…>Продукты пчеловодства широко использовались в домашнем быту мордвы. Из меда готовили национальные блюда, а также он широко применялся в народной медицине как лечебное средство.

<…>Многовековые традиции пчеловодства нашли свое отражение в народном творчестве, в бытовом укладе. У мордвы существовал ряд обрядов,

поверий, преданий, связанных с этим промыслом. Среди языческих богов мордвы было и божество, покровительствующее пчелам - Нишке-паз у эрзи, Нешке-перь-азыр-ава – у мокши, и жило оно в самом большом улье. Первое моление на пчельниках приходилось на время роения пчел.

Накануне Ильина дня мордва толпами отправлялась в лес на пчельники. Здесь их ждали уже кадушки с пуре. После благодарственного моления все участники пили пуре из большого деревянного ковша. С одного пчельника отправлялись на другой и т. д. Так в течение двух дней в лесу пили пуре. По полевым материалам, у мордвы Заволжья на Ильин день хозяин около пеньков ставил соты для Нишке-паза. В настоящее время в этот день принято угощать друг друга медом. Продажа меда в Ильин день, а также больным и на поминки считалась недостойной и осуждалась.

С пчеловодством связан и ряд поверий, примет. Например, нельзя было становиться и наступать на порог в доме, у кого имеются пчелы, якобы это приведет к их гибели. Считалось также к большому несчастью, если во сне убьешь пчелу и т. и. Среди народа существовало поверье, что пчелы хорошо приживаются только у честных людей, чтобы они были чистыми и опрятными.

Существовало несколько примет по определению качества меда и воска. Например, чтобы определить, чистый ли воск, брали небольшой кусочек и жевали: если во рту не останется дурного вкуса и воск пристанет к зубам, то он качественный. Чистый воск при поджаривании на раскаленном листе распространяет легкий запах меда, а если есть в нем примеси (мел, крахмал, глина), то от него пойдет белый дым с неприятным запахом.

<…>

Мордва Самарской губернии занималась и гончарным производством. Мордовская посуда была довольно изящной и постоянно совершенствовалась и вытесняла из домашнего употребления даже привозную фабричную чайную чашку.

В Ставропольском уезде крестьяне некоторых мордовских сел

занимались смолокурением и приготовлением древесного угля. Особенно этот промысел был развит в селах Курмоч и Старая Бинарадка, где занимались соответственно 66 и 50 дворов. Примерно в конце XIX века в результате замены смолы, идущей в основном для смазки колес, нефтепродуктами, сбыт ее в городах значительно сократился. Продажа ограничивалась лишь окрестными деревнями, где за один пуд платили по 50-60 копеек.

<…>

Видное место среди кустарных промыслов Бугурусланского уезда занимало выжигание извести. Однако в конце XIX века этот вид промысла встречается только в Аманакской волости, хотя и здесь, в связи с сокращением лесных массивов и с затруднениями добычи известняка, он постоянно падал.

В Бузулукском уезде многие мордовские крестьяне занимались производством кирпича. Так, например, только в одном селе Каменка из 115 человек, занимающихся промыслом, 100 из них выделывали воздушный кирпич.

Мордовские села, расположенные близ городов, в зимнее время заготавливали дрова. В селе Старая Бинарадка Ставропольского уезда этим промыслом занимались 227 человек.

<…>

Наряду с местными промыслами большое значение в экономической жизни мордовских крестьян левобережья Средней Волги имели и отхожие промыслы. Крестьяне искали в отхожих промыслах последнюю возможность прокормить семью, сохранить свое хозяйство. Однако следует отметить, что отхожие промыслы среди мордвы Самарской губернии были развиты слабо, намного уступая местным промыслам. Например, в Бугурусланском уезде местными промыслами (земледельческими и другими) занимались 2822 человека мордвы (кроме того, 3140 человек из смешанных деревень, точное число мордвы в которых определить трудно), а отхожими только 453 и 421 из

смешанных деревень. Такая же картина наблюдалась в Николаевском уезде - 1185 человек местными, 50 отхожими (2033 и 91 в смешанных населенных пунктах); в Бузулукском - 527 и 271 (196 и 20 в смешанных н. п.).»

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ

Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 396-397.

«Основу бытового уклада дореволюционной мордвы составляла земледельческая община, объединявшая целый ряд как больших (неразделенных), так и малых семей. Общины эти нередко подразделялись на патронимии, или «братчины», объединявшие группы семей, происходивших от одного общего предка… Патронимические группы семей нередко сохраняли общую фамилию или имели общее патронимическое наименование (прозвание), обладали некоторыми братчинными предметами культа, например большими восковыми братскими свечами… В процессе общинных праздников (молений) их участники, помолившись вместе, устраивали трапезу также патронимическими группами («кучками»).

Патронимические традиции отражались в практике селитьбы «старыми» и «новыми» деревнями и «концами», в наличии особых мест на сельском кладбище, где хоронили рядом членов родственной группы, в обычаях взаимопомощи, запрете вступать в брачные связи с членами патронимической «братчинной» группы. В отдельных случаях, когда деревни представляли собой патронимические образования, сельская община по своему составу совпадала с патронимией. Тогда женихи искали себе невест в соседних деревнях.

Как отмечали русские писцы, сельской общиной у мордвы руководили «выборные лучшие люди», старшины – *прявты* (мокш., эрз *пря* - голова),

избиравшиеся общим собранием представителей всех крестьянских дворов села или деревни… ближайшими помощниками *прявта* были старейшие *(велень ятят, покштят*)…, без согласия которых он не мог принять ни одного важонго решения. Старейшинам принадлежали и некоторые судебные функции, основанные на нормах обычного права.

Общинники избирали на собраниях и бирцев. Т.е. сборщиков, которые на бирках (деревянные палки или доски разной величины, служившие счетной единицей у мордвы) отмечали количество дворов в деревне, численность населения и поголовья скота в каждом хозяйстве, суммы и время платежа податей. Они нанимали пастухов, избирали «мерщиков» для периодического предела общинной земли (пахотной и луговой), выносили приговоры на порубку леса для нужд всей общины и ее членов, решали вопросы строительства и ремонта мостов, плотин, колодцев, дорог, общинных мельниц, изгородей вокруг полей и огородов. В круг их обязанностей входили также организация помочей при сельскохозяйственных работах, строительство домов и бань, назначение рекрутов, обеспечение порядка на кладбище и др. ...община регулировала и основные моменты религиозного культа… общинные собрания (*промксы*) созывались летом на площади перед церковью, зимой – в нанимавшемся для этой цели или специально построенном доме – *промксонь кудо.* На собрание являлись все домохозяева данной общины…

… староста общины мог самолично в процессе разбора мелких тяжб сажать за незначительные проступки виновного на день, два или три в деревенскую «кутузку». За более значительные преступления – кражу, неуплату налогов, растрату семейного имущества, нарушение договорных обязательств - общинное собрание приговаривало сечь розгами. Приговор сопровождался публичным посрамлением виновного…».

Корнишина Г.А. Традиционные обряды детского цикла у мордвы // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 80-89.

«Роды *(у мордвы – Н.М.)* происходили большей частью в изолированном помещении: в бане, на гумне, в сенном сарае <…> Случалось, что женщины рожали без всякой помощи, особенно если это было не в первый раз. Но обычно им помогали повитухи. <…> Они пользовались у мордвы большим уважением. В качестве повитухи предпочитали здоровую женщину, имевшую многочисленное потомство. <…> У роженицы (во время родов – авт.) расстегивали ворот рубахи, расплетали волосы, вынимали их ушей серьги <…>

Эти действия были основаны на представлении, что подобное вызывает подобное: развязывание, распускание, как бы содействовало уничтожению преград к выходу ребенка.

Боясь, что злые силы могут повредить ей и ребенку, женщина по возможности, скрывала свою беременность. В этот период она должна была соблюдать различные запреты. Нельзя было класть за пазуху яйца – ребенок будет золотушным, семечки – ребенок может заболеть корью, орехи – у ребенка будут шишки. Опасениями за будущее потомство были вызваны и магические действия с плацентой ... Ее обязательно куда-то прятали, обычно повитуха клала послед в старый лапоть и зарывала под передним углом дома

<...>

Зарывание «детского места» было вызвано поверьем, согласно которому если его выроет животное, то у женщины может в дальнейшем родиться младенец, покрытый шерстью. А если послед кто-то попортит, то у нее вообще не будет детей.

Многие обряды, связанные с первыми неделями жизни ребенка, были направлены на то, чтобы обезопасить его от колдунов, сглаза, порчи и т. п. Большая роль при этом отводилась воде, так как по народным воззрениям

покровительница воды Ведь ава охраняла матерей и новорожденных от нечистой силы. Поэтому после родов роженица с младенцем три дня должна была ходить в баню в сопровождении повитухи. Последняя во время первого посещения совершала моление в честь Ведь авы и покровительницы бани Баня авы, прося у них здоровья для молодой матери и младенца.

Оберегами от порчи считались также и железные предметы: нож, топор, ножницы. В течение шести недель, чтобы уберечь ребенка, мать, укладывая его в зыбку, три раза обводила ее ножом, иногда нож на ночь клали рядом с младенцем. В люльку иногда клали также ножницы, которыми повитуха отрезала пуповину. Ими же очерчивали круг около того места, где спал новорожденный. Хорошими защитными средствами считались огонь и производные от него — зола, головешки. Золой посыпали подоконники и порог дома, в котором появлялся младенец. Перед укладыванием ребенка в колыбель ее окуривали дымом от мусора, собранного на берегу после половодья. Этого мусора якобы очень боялись колдуны.

В качестве оберегающего средства использовались также ветки от веника, которым повитуха парила новорожденного в бане. Их хранили в люльке 40 дней. Кроме того, считалось, что нечистую силу отгоняют некоторые растения, например рябина и сирень. Веточки их вешали над дверью и окнами.

<...> Кроме обрядов, которые должны были сберечь ребенка от нечистых сил, в первые дни его появления на свет у мордвы проводились обряды, которые должны были ему обеспечить долгую, счастливую жизнь. Уже при первом обмывании ребенка повитуха опускала в воду деньги, чтобы он был богат, парила его рябиновым веником, чтобы вырос здоровым и красивым. Иногда мальчика парили дубовым веником, чтобы был сильным, здоровым и долго жил, а девочку – березовым, чтобы росла красивой. Для обеспечения новорожденному сытой жизни перед тем, как положить его в колыбель, туда клали лепешки, пряники, пироги.

По представлениям мордвы, большое значение для дальнейшей судьбы

ребенка имел выбор «счастливого» имени. Обычно имя давала повитуха. Ее выбор зависел от времени и места рождения младенца. Часто новорожденному давали имя первого встречного человека, предмета или животного. Обоснованием такого выбора имени было: поскольку встретившийся человек, животное или предмет здравствуют, так и ребенок будет здоровым и счастливым.

Для предотвращения смерти детей у народов Поволжья, в том числе и у мордвы, практиковались так называемые обряды «купли-продажи», которые должны были ввести в заблуждение нечистую силу и лишить ее возможности нанести вред ребенку. Например, младенца «продавали» первому встречному или нищему, подавая его через окно. Затем мать выкупала у него свое дитя за 2-4 копейки. Применялся и так называемый обмен ребенка. Дожидались первого встречного, обычно заранее подговоренного, отдавали ему младенца, которого этот человек относил во двор и клал в конскую колоду. После этого он звал отца новорожденного взять якобы случайно найденное дитя.

Чтобы сохранить жизнь детей, предпринимали и другие магические действия. Например, существовало поверье, согласно которому нужно было в течение дня напрясть нитки, выткать из них холст и сшить ребенку рубашку. Кроме того, прокалывали младенцам уши: у мальчиков - одно, а у девочек - два и через дырочки продевали шелковые нитки <…>

Перед первым кормлением новорожденного устраивалось моление над хлебом. На стол ставили каравай хлеба, кашу, яйца, и повитуха или свекровь роженицы поднимала хлеб над столом и молила Норов аву (божество плодородия), чтобы она берегла ребенка, чтобы он прожил столько, сколько крупинок в горшке с кашей, чтобы он вырос на такую высоту, на которой она держит хлеб.

Большим событием было и укладывание младенца первый раз в колыбель. Этот обряд был направлен на обеспечение в дальнейшем новорожденному сытой и богатой жизни. Перед укладыванием ребенка в колыбель ее обрызгивали освященной водой и окуривали ладаном либо

проводили внутри три раза зажженной свечой или лучиной. Иногда в новую колыбель сначала клали котенка или щенка. Таким образом старались переложить все невзгоды и болезни на животное. Также старались обмануть и колдунов, которые, по верованиям мордвы, летали в виде огненной змеи и пожирали сердца новорожденных».

Одним из самых торжественных обрядов детского цикла было крещение... Важная роль в его проведении отводилась крестным родителям. Кума готовила подарки ребенку: рубашку, крест, шапочку, пояс, риску - примерно 2,0 м материи, в которую принимали ребенка от попа после купели. Крестильную рубашку обычно шили длинной, чтобы младенец долго жил. Иногда всех детей крестили в одной и той же рубашке, чтобы они были дружны между собой. Крестильную рубашку старались беречь до свадьбы, чтобы дитя всегда оставалось с родителями, не покидало их.

<…> В крестные, как правило, приглашали молодых родственников. Нередко кумовство являлось наследственным, переходило из поколения в поколение. Младенца крестили в течение шести недель после рождения. После крещения в течение трех-семи дней устраивали обряд «знакомства» <…> новорожденного с родственниками и соседями. Идти знакомиться полагалось обязательно с угощением, иначе жизнь ребенка якобы будет необеспеченной.

Важными моментами в жизни ребенка считались появление первого зуба, первые шаги, первая стрижка волос. Все они отмечались определенными обрядами. Когда ребенок делал первые шаги, совершали обряд «разрезания пут» … Ножки ребенка перевязывали нитками или лентами. Бабушка обводила три раза вокруг него ножом и разрезала завязки со словами: «Путы разрезаю, ходить (имя) пускаю». Для того, чтобы дети начинали быстрее ходить, их брали во время сева в поле, сажали на землю и перекидывали через них семена.

Одним из обрядов детского цикла была стрижка волос. По обычаю, чтобы ребенок беспрепятственно рос, нельзя было у него до года стричь

волосы и обрезать ногти <…> К обряду первой стрижки приглашались близкие родственники и крестные родители. Мальчика наголо стриг крестный отец, а у девочки крестная мать выстригала прядь волос через кольцо, что должно было способствовать их росту.»

Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 384-385.

«В (мордовской – Н.М.) нераздельной (сложной, большой) семье был один глава (куд-атя, или куд-азор-атя, кудазор), представлявший семью перед властями, общиной и церковью… Если кто-нибудь из членов семьи нарушал нормы обычного права, глава семьи мог «проучить» его. Один из традиционных моментов, символизировавших признание в семье того или иного мужчины ее главой («большаком»), - мытье в бане, когда все мужчины большой семьи парили кандидата в кудазора веником. Тот, кто демонстративно отказывался это делать, тем самым заявлял о своем выделе из данной семьи.

Внутрисемейными делами ведала «большуха» (куд-азор-ава), жена кудазора – большака. В ее подчинении находились снохи и другие женщины семьи, которые выполняли ее повседневные поручения и порой не могли ступить ни шагу без разрешения куд-азор-авы.

Невесткам в мордовской семье следовало соблюдать некоторые запреты: они не имели права называть старших родственников по именам, показываться перед ними без головного убора, с обнаженными ногами. Особенно сложным было положение младшей невестки, которая находилась в подчинении не только у мужа, свекрови и свекра, но и у старших невесток. Молодая некоторое время после замужества не садилась со всеми за стол, а ела стоя, чтобы в случае необходимости услужить кому-нибудь из старших.

… муж и жена не называют друг друга по имени, используя при обращении междометие ей и местоимение тон (ты). Невестку в семье мужа не называют личным девичьим именем, а присваивают ей в зависимости от

старшинства женившихся сыновей определенный термин свойства, заменяющий в обращении личное имя: мазай (от мазы – «красивая») – жена старшего брата; тязай (значение забыто) – жена второго брата, вяжай (от вяжа – «малая») – жена третьего брата, павай (от павазу – «счастливая») – жена четвертого брата, тятай (значение забыто) – жена пятого брата и т.д…

Мордва с осуждением относилась к разводу. Ни у языческой, ни у крещеной мордвы развода как формального акта, сопряженного с народным обрядом, не было. Случаи ухода жены составляли большую редкость. Родители в любой момент могли вновь привести ее к мужу. Поэтому мордовка, как бы ей тяжело ни жилось в семье мужа, оставалась в ней до последней возможности.»

Николаев С.Д. Система родства у мордвы // Мордва. Историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 223-225.

«В мордовской системе родства немаловажное значение имеет то, кем является собеседник говорящего. В зависимости от того, родственник он или нет, старше говорящего или младше, близкий он родственник или дальний, знакомый, совсем посторонний – для обозначения одного и того же лица могут применяться в зависимости от обстоятельства различные термины или сочетания.

Мордовская система родственных отношений довольно последовательно различает пол родственника.

Довольно полное отражение в терминах получил характер родственной связи … «свойство по жене» и «свойство по мужу».

Одной из характерных черт мордовской системы родства является так называемый «скользящий счет поколений».. В одну и ту же категорию родства объединяются мужские или женские представители двух поколений – нижняя часть данного поколения с верхней частью последующего за ним

нисходящего поколения. Верхняя часть того же поколения, в свою очередь, объединяется с нижней частью ближайшего восходящего поколения. В результате, люди одного поколения и даже одной степени родства – братья и сестры – оказываются отнесенными к разным категориям родства, различаемым особыми терминами. Критерием подобного разграничения служит относительный возраст говорящего, его матери или отца, других родственников и свойственников: ле(я)ля – старшие братья, младшие братья матери или отца (э.), ака – старшие сестры, младшая сестра матери или отца.

Мордовской системе родства... характерно различие отцовской и материнской линии. В мокша-мордовском языке... существует специальная терминология для бабушек и дедов, двоюродных сестер и братьев по матери, специальный термин для старшего дяди по отцу.

Вплоть до настоящего времени сохранились отголоски древности, когда первостепенное значение имели не генеалогические линии родства, а принадлежность половине (роду) матери или отца…: уймакш – любой младший по возрасту (мужчина или женщина) в роде матери.

Система родственных отношений у мордвы достаточно четко отражает све этапы становления и развития семьи… Терминология родства в сегодняшнем виде раскрывает семейно-родственные отношения в большесемейных (неразделенных) мордовских коллективах, дошедших в достаточном количестве вплоть до 30-х годов XX века.»

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ МОРДВЫ

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С.52-60.

«Как и у всех земледельческих народов, основу питания заволжской мордвы составляли продукты земледельческого труда. Хлеб выпекался

преимущественно из ржаной, пшеничной, реже ячменной и овсяной муки. В весеннее время и в неурожайные годы в него добавляли различные примеси: сосновую кору, траву. Его пекли в каждом доме через каждые 3-5 дней… По большим праздникам готовили сдобное тесто на сметане, масле, яйцах (кокоркат, сдобнайхть). Кроме хлеба выпекались пироги с различной начинкой: овощной, мясной, ягодной, грибной, из каш и картошки.

Мордовские блины делались довольно толстыми из пшеничной, пшенной, гречневой, гороховой муки. Для того чтобы они получались более мягкими и пышными, в тесто добавляли крахмал. Ели их с молоком и маслом, а в праздники с медом. В начале XX века толстые блины были вытеснены тонкими, их готовили из пресного теста. В различных районах их называли по-разному – блинцят, пачалксеть, пацть, пачат, блинат. Лапшу готовили в основном из картофельного крахмала или же из пшеничной муки. Из жидкой массы пекли тонкие блины, а затем резали их на мелкие полоски. Варили такую лапшу на воде или на молоке.

Распространенным блюдом из пресного теста была салма (коваряшт). Крутое тесто раскатывали полосками, из которых отрезали или отрывали кусочки и запускали в кипящий бульон. Готовое кушанье заправляли маслом, яйцами, сметаной. Из такого же теста готовили пельмени (покольхть, цюмарат). В качестве начинки употребляли внутреннее сало или рыбу. В более позднее время сало мешали с рубленым мясом.

Повседневным кушаньем была каша. Она входила в праздничную и обрядовую пищу. В прошлом ее готовили из полбы, чечевицы, гороха. Широко использовались пшеница и пшено. Каши варили крутыми, ели их с маслом или молоком. Каша была неотъемлемой пищей маленьких детей. Варили ее в специальном горшочке – идень (эйкакшонь) сякане. Из ржаной муки готовили кулагу, в некоторых местах она называлась «бламок». Муку разводили водой, потом ставили в печь «томиться». Для улучшения вкуса в нее добавляли ягоды. Ели кулагу с маслом, молоком.

Продукты животноводства занимали ведущее место в пище мордовского населения. «Летом в большом ходу у мордвы молочные блюда», - отмечали некоторые исследователи. Молоко пили в сыром виде, использовали для приготовления первых блюд, мучных изделий, каш, как лекарство от многих заболеваний. Девушки пользовались им как косметическим отбеливающим средством. Особенно много употребляли кислого молока, которое имело несколько разновидностей.

Ряженку готовили из топленого молока, предварительно сняв с него сливки, охлаждали и заквашивали. В качестве закваски использовали сметану, простоквашу. Выдержав в тепле до загустения, ее выносили в погреб.

Во время постов молоко собирали в специальную кадушку. Чтобы оно не испортилось, туда пускали соль. Такой напиток назывался ирьян. Им утоляли жажду во время полевых работ. Для более длительного хранения из кислого молока делали прессованную массу - «кольцягат». При употреблении в пищу ее разбавляли водой или свежим молоком. Такой напиток назывался «сузмой».

Из молока получали и творог. Наряду с повседневным употреблением его использовали и как обрядовое угощение.

Заметную роль в питании мордвы занимали мясные блюда. Мясо употреблялось в щах, его тушили с картошкой, капустой, а также заготовляли впрок. Солили мясо в кадушках, где его выдерживали в течение нескольких дней

В некоторых уездах .. мордовские крестьяне практиковали приготовление сыра - «крут». Делали его следующим образом: вначале выжимали массу руками, затем клали в холщовый рукав и давили между двумя досками. Под гнетом его оставляли на несколько суток, а после валяли в небольшие комы с солью и засушивали.

Повсеместно молоко шло для получения масла. Определенная его часть доставлялась на местные рынки или же продавалась скупщикам. Помимо

сливочного масла широко использовали растительные масла – конопляное, подсолнечное.

Весной куски сушили на открытом воздухе или подвешивали в амбаре, клети. В некоторых уездах распространено копчение мяса. Соленая и вяленая свинина считалась любимым кушанием, она была незаменимой в дальней дороге, во время тяжелых работ.

<…> В повседневной жизни мясо птицы и яйца употреблялись довольно часто. Использовали их у мордвы и в качестве обрядовых кушаний. Печеные и вареные яйца брали с собой в поле, в дальний лес, а сырые шли для приправы к различным блюдам. Большая часть яиц шла на продажу.

Значительное место в пище занимали продукты огородничества: капуста, огурцы, лук и др. Капусту ели в сыром виде, тушили с мясом, картошкой, из нее делали начинку для пирогов. С ней варили щи, борщ. Употребляли также капустный рассол.

Важную роль в рационе питания занимал картофель. Он употреблялся как самостоятельное блюдо и как основная часть других кушаний. Из картошки делали «картовник». Для этого ее варили, очищали от кожуры, мяли, добавляли молоко, яйца и ставили в печь, корочку мазали маслом.

В летнее время и ранней осенью картофель готовили к ужину прямо на улице на таганках или в чугуне. Мелочь также шла в употребление. Ее варили, очищали и жарили на сковородке до образования румяной корочки, постоянно переворачивая. Ели такую картошку с кислым молоком.

Повсеместно у мордвы ели пареную свеклу, тыкву, репу. В Бузулукском и Ставропольском уездах возделывали бахчевые культуры — арбузы, дыни. В основном они употреблялись в свежем виде, но в некоторых селах арбузы солили, а дыни сушили

<…> В рационе питания мордвы определенное место занимали продукты охоты. В Бугурусланском уезде охотились на рябчика и тетерева. «Мордвин и чувашин, писал Л. Ф. Змеев, употребляют много дичи. Пирожки с заячьим мясом – любимое лакомство».

Издавна мордовское население употребляло в пищу рыбу. Ели ее в свежем виде, заготовляли впрок – солили, сушили или вялили, выдержав прежде в крепком рассоле. Вареную крошили в окрошку - «калонь кувас», жарили в масле, тушили в сметане с яйцами, в молоке. Большой популярностью пользовалась уха двойного навара: сначала готовился бульон из мелкой рыбы, затем его процеживали, и в этот бульон закладывалась уже крупная рыба. Славилась и рыба, завернутая в листы конского щавеля в несколько слоев, запеченная в золе.

<…> Пуре являлось крепким хмельным напитком, варилось на основе пива. Своеобразие этого напитка достигалось тем, что во время варки пива добавляли сотовый мед. Когда пуре было готово, его вливали в глиняную посуду, которую замазывали тестом и закапывали в землю на несколько дней. При приготовлении священного пуре соблюдались определенные правила: девушки, которые варили священный напиток, не должны разговаривать с мужчинами, ставить ведро на пол, нельзя было уронить даже каплю на землю, посуда должна быть новой. В противном случае якобы бог не принимал жертвоприношения и отказывал в помощи.

В Самарской губернии практиковалось приготовление вишневого морса. Распространенным напитком являлся квас, заимствованный от русских. Но мордва готовила его своеобразным способом, что было подмечено многими исследователями. Ржаную муку или солод разводили горячей водой, ставили в протопленную печь, а затем квасили. Квас использовали как напиток для утоления жажды, а также для приготовления окрошки. Употребляли березовый сок. Его пили в свежем виде, а также настаивали с хмелем или заквашивали <…>

Под влиянием русских распространился чай. Заваривали травами — зверобоем, душицей, мятой, листьями ягод и т. п.

Праздничные и обрядовые блюда мордвы отличались большим разнообразием. В частности, В. Н. Майнов отмечал: «Еще роскошнее питается мокшанин по праздникам... К числу праздничных блюд приходится

отнести бесчисленное количество всевозможных пирогов ситных, ячменных, ржаных, гречневых и иных, гречневые и гороховые блины с разными подливками, овсяные, полбяные, ячменные и гречневые оладьи. Сюда же относятся цюкоры, щи мясные, каша молочная и пшенная. Сыр из кислого молока, яичница с воблою или ветчиною на сковородке и другие блюда».

Широко представлены в праздничной и обрядовой пище хлеб и мучные изделия. С хлебом у народов издавна связывалось представление о богатстве, благополучии и счастье. Он фигурирует во всех обрядах и молениях. Так, в первый же день рождения ребенка совершался обряд «кши озондома» (м), «чачема ши» (э) «моление хлеба», который как бы символизировал принятие новорожденного в члены семьи. Специально испеченным хлебом повитуха обращалась к покровительнице дома, предкам с просьбой принять нового члена семьи, даровать ему здоровье и счастье. Горбушку от этого хлеба клали рядом с ребенком, считалось, что она предохраняет от сглаза.

Хлеб использовался в свадебных обрядах. Например, перед сватовством отец жениха отрезал от хлеба горбушку, вынимал из нее мякиш и заполнял медом. Ночью верхом на лошади он ехал к дому невесты и клал этот хлеб на воротный столб. Потом стучал кнутом в окно, говорил, что приехал сватать дочь и быстро уезжал. Если девушку не хотели выдавать замуж, то ее отец с родными устраивал погоню, чтобы вернуть данный хлеб. Если им удавалось догнать отца жениха, то ему возвращали хлеб с медом, а самого свата избивали. В противном случает отец девушки давал согласие. Отказываться от такого сватовства мордва не решалась, опасаясь гнева богов.»

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки. – Самара, 1996.

«Традиционный женский костюм мордвы-мокши имел существенные отличия от эрзянского; это заметил ещё в XVIII в. П.С. Паллас, обратив внимание на различия в женской и девичьей одежде: «одеяние мордовских жён состоит в высокой набитой и пёстро вышитой шапке, у которой назади привешены малые цепочки, небольшая лопасть и балаболочки, также в холстинной рубахе и в нижней одежде, которую они по своему вкусу вышивают синею и красною пряжею. Потом носят пояс, у которого назади висит книзу разделённая разноцветною шерстяною пряжею вышитая бахромою, пронизками и гремушками обвешанная кожа. В праздники, кроме того, привешивают к поясу спереди и по сторонам всякие пёстро вышитые и бахрамою обложенные лоскутья... А к совершенному убранству широкое холщовое верхнее одеяние с короткими, но в пол-аршина широкими рукавами... Обыкновенную верхнюю рубаху застёгивают на шее малою, а на груди большою пряжкою, на которой висит столь тяжёлая сетка из пронизок, медных пуговиц и малых цепочек с шелехами, малыми колокольчиками и другими гремушками.

У девиц на одеянии гораздо меньше гремушек, а впрочем, почти ничем не разнится их одежда, только не носят женских шапок. Ныне многие из них по российскому обыкновению плетут косу с лентами и косником.

Сравнивая вышеописанное убранство эрзянских жён с мокшанским праздничным одеянием, легко можно усмотреть разность. У мокшанок одежда великолепнее и красивее. Женская кичка, по их панга называемая, не высоко набита и не обвешена гремушками, только вышита слегка и на затылке завязана пришитыми лентами. Многие из них носят на голове одну только повязку, которой концы вышиты и висят на спине... По обеим

сторонам кички пришиты до грудей висящие ремни, по их пилкс называемые, которые унизаны серебряными копейками... На шее носят из разноцветных пронизок снизанное наподобие сетки ожерелье (цивкс). От пояса (каркс) висит напереди широкий на четыре лопасти разделённый и вышитый передник... Назади вместо запона висят от пояса длинные и короткие кисти из чёрной шерсти. К рубахе как на груди, так и на спине пришивалось много пряжек, с колокольчиками и шелехами, бренчание умножающие. В наряде мокшанских женщин за отменное почитается, что на голове у них мотаются большие волосяные хохлы с короткими деревянными синцами, которыми притыкают концы хохлов к заплетённым со снурками головным волосам. Сии хохлы (сюка) ныне уже не употребительные и носят только одни старухи... Ноги свои мокшанки обвивают не холщовыми повязками, а ремнями».

Как видно из описания, П.С. Паллас представляет общенациональную специфику мордовских костюмов. Сегодня специалистами выделено несколько районов, представляющих отдельные варианты мордовско-мокшанской и мордовско-эрзянской одежды.

Имеющийся в нашем распоряжении материал по костюмным комплексам мордвы-мокши Самарской Луки позволяет классифицировать его как костюм центральной группы.

Как и для основной массы мокшанского населения, для мордвы Самарской Луки был характерен многоярусный костюм, основу которого составляла рубаха (панар) туникообразного покроя. Особенностью мокшанского кроя рубашки являлось центральное полотнище, перегибаемое пополам по плечу с пришитыми к нему под прямым углом рукавами и параллельными ему боковыми клиньями. Вдоль швов располагалась в несколько рядов вышивка.

В праздничный ансамбль мокшанского костюма входило несколько рубашек, надеваемых одна на другую, последующая - выше предыдущей. Нижние рубашки имели богатый декор на подоле, что создавало впечатление

оборок, идущих из-под верхней рубашки, обильно орнаментированной по стану, рукавам и подолу. Древние рубашки имели много вышивки сложными содержательными (символически-магическими) узорами. Особое орнаментальное решение имела пришитая к подолу кайма-петькс, она выполнялась из рядов тесьмы, сутажа, металлического кружева, пришитых на плотную основу, покрытую полоской яркого сатина.

Развитие костюма в XX в. упрощало его по пути сокращения вышивки и применения разнообразных тканей, заменяющих вышивку на аппликацию. В этом убеждает рубашка, хранящаяся в фондах областного художественного музея из с. Ширяево.

В начале XX в. на Самарской Луке мокшанки носили одну верхнюю рубашку («шушпан», «шушпун» - с. Торновое) - самотканую, с вышивкой по бокам и с каймой.

Верхняя туникообразная распашная одежда из холста - мушкас - являлась второй обязательной деталью мордовско-мокшанского костюма Самарской Луки. Будучи аналогичен по покрою рубашке, с разрезом центрального полотнища спереди, мушкас своеобразно украшался - по полам и рукавам его располагалась красная тканая из гаруса или тонкого прядения шерсти полоса с нашивками из мишуры и блёсток.

В числе украшений мокшанского костюма выделяются набедренные, поясные, нагрудные. В комплекс набедренных украшений в прошлом входили боковые полотенца преобладающего красного цвета – кеска руцят, украшенные горизонтальными полосками ярких лент, чередовавшихся с рядами вышивки. Кеска руцят носили без передника и назадника, обязательного для костюма эрзи.

Боковые полотенца гармонично сочетались с парными поясными подвесками небольшой длины, располагавшимися симметрично по бокам, иногда они употреблялись и без полотенец. Парные подвески – сект прямоугольной или трапециевидной формы, в основе которых были нашитые на шерстяную тесьму двумя или четырьмя рядами раковины каури,

чередовавшиеся с разноцветными бусами, яркими шерстяными кистями, поднизками из бисера. В наряд молодых женщин и девушек включались подвешенные вместо шерстяных кистей бубенцы (колокольчики).

В условиях этнокультурных заимствований в костюме мордвы-мокши появился типичный для всех земледельческих народов передник, шитый с грудкой - сапоня. Его шили из яркого шёлка или сатина, по всему периметру подола с оторочкой в виде оборки. Украшали передник яркие разноцветные ленты.

Наибольшую этнодифференцирующую роль в костюме мокши играли нагрудные украшения – об их конструкции можно судить по обнаруженным около с. Шелехметь сохранившимся деталям костюма в погребении XVШ в. Они соответствуют описанным специалистами. В качестве заколки нагрудного разреза рубашки служили фибула-сюльгам и кирмыш. Кирмыш представлял собой маленькую кольцевую пряжку без подвесок, сюльгам состоял из треугольной металлической пластины с кольцом и булавкой, обрамлённой витой проволокой с прикреплёнными к ней бусами и стеклярусом, пуговками, раковинами каури, подвесками из цепочек и жетонов или бубенцов.

Шейные украшения включали в себя многоярусные пронизки из бус, монет, бисера или стекляруса. <...>

Головным убором самаролукской группы мокши были полотенцеобразные в виде сшитой шапги-панга с высоким прямоугольным гребнем. Роль каркаса гребня выполняла вшитая деревянная дощечка высотой 14-15 см и шириной 30-35 см. Налобная часть этого убора плотно вышивалась разноцветными шерстяными нитями, холст покрывался кумачём или другим материалом красного цвета, по верху пришивались розетки из шёлковых лент, по сторонам – кисточки. Носили панга в комплекте с шёлковым платком, повязанным наподобие чалмы. Встречались и панга с небольшим прямоугольным мягким чепцом, верхнюю часть которого также поддержи-

вала небольшая дощечка. Этот убор носили с уложенным вокруг платком. В более позднее время панга была заменена платком.

В XX в. традиционные для мордвы лапти в качестве обуви были заменены кожаными сапогами со сборами. Обычай утолщать ногу (по эстетическим представлениям мордовка тем краше и богаче, чем она толще, чем больше на ней одежды, скрадывающей дефекты фигуры женщины) выражался в наличии в костюме мокшанки чёрно-белых наколенников - цюлкат и обмоток.»

Малкова Н.М., Николаев С.Д. Мордва // Этносы Самарского края. Самара, 2003.90-98.

«В мордовских Самарской области традиционный костюм носили до 20-30 годов. В его состав входят: рубаха, распашная одежда, головные уборы, набедренные и нагрудные украшения.

Основу традиционного мужского костюма составляет рубаха *панар* и порты *понкс*. Туникообразную праздничную одежду шили из тонкого холста, будничную – из полосатой пестряди. Ее носили навыпуск, подпоясав шерстяным поясом *церань каркс* или ремнем *кшна каркс.* Кроили рубаху из одного полотнища, перегнутого поперек на плечах; бока шились из двух более коротких полотнищ, перегнутых в длину и пришитых к центральному полотнищу ниже рукавов. Рукава с боками соединялись квадратными ластовицами. Вышивка рубахи располагалась по шейному и грудному вырезам, концам рукавов и подолу. Она выполнялась черными и красными нитками крестом, ромбовидным, крестовидным и квадратным простым узором. При ношении подпоясанную рубаху спереди одергивали, расправляли переднее полотнище, а сзади собирали в складки.

Мужские портки *понкст* шили из двух прямоугольных полотнищ, между которыми делали широкую вставку.

Верхняя легкая одежда мужчин включала пиджаки серого или

коричневого цвета с прорезными карманами. Праздничные кафтаны шили со сборами сзади из черного сукна или покупной ткани. Мужская верхняя одежда *сумань*, который носили, подпоясав толстым шерстяным кушаком, и *чапан* по покрою схожи с женской. Зимой носили овчинные полушубки и нагольные теплые шубы *ор*, на голове из войлока, меха белые или черные валяные шляпы, треухи, картузы. Герои мордовского фольклора носили обычно круглую (иногда пуховую) шляпу, которую на свадьбу украшали перышками.

Мордва носила двухпяточные лапти - *карть*, косого плетения с головкой трапециевидной формы и специальными витыми петлями лыка. Лычки нарезались очень узко, что определяло красоту и высокую прочность, поэтому они ценились выше, чем лапти других народов. С лаптями на ноги накручивали белые портянки *пракстат* из толстого неотбеленного холста, сверху обмотанные узкими полосами белой ткани *пильге петькст*. Повсеместно были распространены сапоги *кемть, кямот* со сборами в нижней части и острыми носками. Особенным спросом у мокши и эрзи пользовались сапоги «со скрипом», на каблуках. Состоятельные сельчане носили сапоги из сафьяна или козловые сапоги. Мордва восточных районов особенно ценила «писаные» валенки - белые, с красной шерстяной строчкой на голенище.

Женская одежда мордвы отличалась большим разнообразием. При этом мокшанский и эрзянский варианты имели существенные различия. Одежда самарских эрзянок по особенностям кроя и декора делится на несколько локальных групп: западная – Кошкинский район (выходцы из Нижегородской губернии), центральная – Шенталинский и Челновершинский районы (переселенцы из Симбирской, Пензенской и Казанской губерний) и восточная – Клявлинский и Исаклинский районы (выходцы из Пензенской, Симбирской, отчасти Нижегородской губерний).

Костюм невесты эрзянки.

Основу женского костюма эрзи составляет рубаха *панар* или *покай*. Древний покрой представлял собой два полотнища холста, сшитых вместе, которые складывались пополам по утку. Рукав пришивали без проймы, в основе крой имел прямоугольник. В начале XX в. подобную рубаху носили с кофтой и передником. Ее кроили из трех полотнищ – центральный холст складывали по утку пополам, по бокам вшивали короткие полотнища, образующие в верхней части стана квадратную пройму для рукавов. Рукава немного не доходили до запястья. *Покай* в эрзянских селах известен в качестве парадной верхней одежды, его одевали в торжественные дни поверх нижней рубахи. *Покай* надевали девушки с наступлением совершеннолетия, когда они в первый раз шли на девичий праздник *пиванькудо*. *Покай* чаще всего передавался по наследству. Его характерная черта – наличие богатейшей вышивки. Плотная, орнаментально очень сложная, она покрывала рукава, грудь и подол сверху вниз до 5 рядов по спине и бокам, широкой полосой проходя впереди. В вышивке преобладали красные, черные и синие цвета с вкрапления зеленого и желтого. Она выполнялась специальными эрзянскими швами с геометрическим орнаментом: эрзянская звездочка, мордовский полукрест, шитье в елочку, косая стежка, набор. Вышивка превращала холст в ткань с нарядной ковровой фактурой. Богатый арсенал технических приемов делал поверхность вышивки рельефной, где немаловажную роль играл светотеневой эффект. В XX веке покай, превратившись в свадебную одежду, постепенно вышел из употребления.

Костюм мордвы-эрзи, XIX в.

К верхней эрзянской распашной одежде относится *руця*, напоминавшая халат. Ее надевали поверх рубахи по праздникам, на свадьбу, в гости, в церковь. Судя по более ранним источникам, *руця* служили одеждой умершей женщины. В недалеком прошлом она имела четкие подразделения по назначению: будничная *истяк чинь руця*, плакальная *аварькшнема*, смертная *кулома руця*. *Руця* молодых женщин была наряднее, чем пожилых. Для ее пошива применялся хорошо отбеленный белый холст - посконный, позднее посконнобумажный или хлопчатобумажный. Она вышивалась тонко спряденными шерстяными нитями с добавлением золотой мишуры. Вышивка (чаще из красной шерсти) располагалась на груди, окаймляла полы, подол и рукава. Узкие полосы орнамента спускались с плеч до груди.

Неотъемлемой частью женского костюма был передник с грудкой и без. Передник *покрышка* был богато украшен бронзовыми пронизками, подвесками, колокольчиками, позднее - жетонами, нитками бисера и бус. Его подол вышивался рельефными продольными дорожками с орнаментом.

К одному из видов несшитой поясной одежды относится набедренник. В Самарской области известен наиболее архаичные его виды – *пулагай* без валика и *пулокаркс*. Последний представлял собой прямоугольное полотнище грубого холста размерами 40х50-60 см, сплошь вышитое шерстью или обшитое кумачом, разноцветным бисером, раковинами-каури, позумента в чередовании с металлическими бляшками и кистями из бисера. Края его обшивали бахромой из шерсти или шелка. Набедренник с толстым валиком и длинной черной бахромой *суре пуло,* с рудиментами боковых подвесок в виде

поднизи из бисера в ряде районов называли *пулакш***.** Он входил в комплекс девичьего и женского костюма Исаклинского и Клявлинского районов. В отличие от *пулокаркса, пулагай* и *пулакш* имели валик - щиток прямоугольной или трапециевидной формы.

Особое место среди украшений мордвы занимали бусы, бисерные воротники и сюлгамы (застежки). Эрзянская сюлгама изготавливалась из толстой медной проволоки, изогнутой в форме овала с незамкнутыми расплющенными концами, со вставками из красных или черных стеклянных бус. Праздничный вариант декорировался длинными цепочками, на которых был подвешен щиток из луба или картона, покрытый тканью, зашитой рядами бисера, пуговиц, галуна.

Самобытным эрзянским украшением была *колодка, камышка***,** представлявшая род нагрудника. Декоративная верхняя его часть в виде сетки из стекляруса, бус, монет дублировалась на твердую основу (колодку). *Колодка* в процессе эволюции соединялась с передником *игельга паця***,** образовав *запон***.** В ансамбль украшений эрзи органично входили круглые воротники на твердой основе *борок, гагатка, лыйнимкат***,** имевшие форму подковы. К роду гривен близки украшения из проволоки и серебряных монет — *сиям, сия наряд***.** Некоторые виды нагрудных украшений были заменены лентами, спускавшимися от плеч по груди или служили частью подвески-оберега *гайтана, хрест ведьме, ленточка хрест.*

Обязательной частью женского костюма был пояс — *вигенесэ каркс, паро каркс, дразнимка каркс, руця лангонь каркс.* Его концы украшали подвесками из бус, бисера, пуговиц. Своеобразным украшением был небольшой кармашек *лакомка* из разноцветных лоскутков или вышитых фрагментов старой одежды.

Знаковые признаки возрастной зрелости и социального положения наиболее ярко проявлялись в головных уборах. Девичьи головные уборы делились на открытые и закрытые - *пря суре, коня лента, кокол паця***.** Налобная лента украшалась гофрированными оборами, розетками из лент,

нашивками пуговиц и блесток. *Кокол паця* представлял собой косынку с треугольной лопастью на твердой высокой основе. Его носили до замужества, затем одевали сороку прямоугольной формы. Массивная полуцилиндрическая по форме сорока *шлыган* бытовала в восточных районах. Очелье вышивали геометрическим узором в технике счетной глади или шитьем «в елочку», подзатылень - рельефной вышивкой эрзянской звездочкой.

Старинным женским головным убором является *чепец* - сорока с высоким очельем на твердой основе. Его налобник, плотно вышитый красно-коричневыми и черными нитями, декорировался позументом, рядами блесток, бисера, цепочек. Длинный позатылень был дополнен рельефом подвесок из кисточек и цепочек с жетонами. В будни женщины носили *чеклик* - небольшую шапочку, форма которой была рассчитана на прическу из двух кос, уложенных венцом вокруг головы.

Теплая женская одежда эрзи шилась из сукна и меха. Более распространен был *сумань* из черного сукна. Нарядный вариант шился с отрезной спинкой и сборами на талии. Аналогичный покрой имела овчинная шуба со сборами, отороченная мерлушкой.

Праздничной обувью эрзянок были *коты* - полусапожки с острыми носами, отделанные медными бляшками и зубчато вырезанными кромками голенищ. В начале XX века в обиход вошли *коты*, напоминавшие глубокие калоши из кожи. В восточных районах обували гладкие сапоги с широким голенищем.»

КАЛЕНДАРНО-ПРАЗДНИЧНЫЙ ЦИКЛ ОБРЯДОВ САМАРСКОЙ МОРДВЫ

Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки. – Самара, 1996. С.41-66.

Мордовская свадьба на Самарской Луке, несмотря на множество общих черт с русским свадебным обрядом ... представляет этническое своеобразие культуры мордвы-мокши. <...>

Во всех селениях, где сегодня проживает мордва-мокша (Шелехметь, Торновое, Новинки (среди преобладающего русского населения), Бахилово), имеются сведения о предпочитаемом в XIX в. однонациональном принципе создания семьи. По информации старожилов с.Торнового, «женились и выходили замуж только за своих - из Шелехмети или Новинок, реже - из Бахилово».

Началом свадебного процесса являлось сватовство - оно происходило, как правило, по уговору парня и девушки. Сватать приходила женщина-родственница или просто знакомая жениха. Это был первый этап сватовства, где разговор шёл о возможности свадьбы. Для свахи накрывали стол - ставили орехи, семечки, конфеты, печенье (жомка - мест.).

На втором этапе сватовства присутствовали родители (виштема - мокш.) с обеих сторон - жениховы отец и мать приходили в дом к невесте, здесь обговаривались сроки свадьбы, на подготовку отводилось от недели до месяца; выплату за невесту составляли шуба, валенки, кожаные ботинки (гусарки - на шнурках), постель. Определялось и приданое невесты - подушки, перины, полотенца. Невеста должна была приготовить подарки: жениху и свекрови - по рубахе (панар - мокш.), кисет, карманы (носимые на поясе, выполненные в лоскутной технике) - всем старушкам.

До сего дня во всех мордовских селениях Самарской Луки накануне свадьбы устраивается девичья баня. В этом элементе свадьбы наблюдается отмеченное выше сходство мордовской и русской обрядности - перед баней

подруги невесты шли за веником и мылом к жениху. В с.Бахилово баню топили и жениху и невесте.

Невесту парили подруги, она причитала, прощаясь с родным домом, подругами, свободой. Вечером после бани проводилась вечеринка в обоих домах, - родственники жениха и невесты гуляли порознь.

На следующий день невесту собирали к венцу, одевали свадебный наряд. Традиция национальной одежды была утрачена даже в свадебном ритуале к концу XIX в. - информация на уровне начала XX в. свидетельствует о присутствии у мордвы-мокши Самарской Луки общегородского свадебного костюма – кофты и юбки, платья (белого, розового, голубого цвета), голову покрывал светлый платок, на ноги надевали летом - ботинки, зимой - валенки.

Свадебный поезд (без жениха), отправляясь за невестой, три раза объезжал село. Жених на запряжённой для него паре лошадей сразу ехал в церковь. За невестой приводили отдельную пару (тройку) лошадей.

До настоящего времени у мордвы сохраняются свадебные чины - так, в описаниях свадьбы с.Бахилово упоминаются - «большой дружка», возглавляющий свадебный поезд, «уредев» («урюду»- мест.)- родственник невесты, «продающий» её за выкуп, он же сажал невесту на отведённое для неё место за свадебным столом; в сёлах Шелехметь и Торновое в свадьбе особую роль играют родственники или соседи невесты, охраняющие сундук с приданым - их называют «каравляй» или «сундуконь каравляйхть» (караульщики); во всех селениях провожатые невесты - её родные или двоюродные братья укрывают её от поезжан, в прошлом они устраивали особую кибитку для невесты, в которой её привозили к жениху во двор (по описания Палласа П.С.); «вастыняцай» - девушки, подруги невесты ходили с наряженным веником по селу, стелили молодым постель, продавали её жениху, топили баню для молодых.

Свадебный поезд возглавлялся большим дружкой. Подруги невесты крали у него шапку, наряжали, продавали её, дружка ехал в церковь в наряженной шапке.

Уредев закрывал перед дружкой дверь, дружка должен был заплатить, прежде, чем войти. Невесту выводили, накрытую платком, она раздаривала подругам ленты и кольца. Отдельно от жениха невестина повозка направлялась в церковь.

В древнем обряде, описанном в XVШ в. П.С. Палласом в д. Шелехметь, невеста после венчания в церкви с. Рождествено приезжала во двор дома жениховых родителей в особой кибитке: «как скоро невеста из с.Рождествено приехала назад со свахою в кибитке, которая была покрыта холстиною, то женихов дружка и поддружье, при беспрерывном вопле невесты, выняли её из кибитки и несли до самых ворот, причём собравшийся из деревни весь женский пол поздравлял невесту, стоящую между дружками и свахою. Потом пришла мать со сковородою, наполненною сухим хмелем, которой зажигала она горящею лучиною и ставила сковороду к правой ноге невесты, а она отталкивала от себя оную сковороду ногою. Сие делалось трижды, и каждый раз сгребали рассыпанный хмель на сковороду.

При сем случае примечают, что если сковорода упадёт наоборот, т.е. дном кверху, то молодым предвещает всякое злоключение; если же она ляжет вниз дном, то почитают сие за счастливое предзнаменование.

После сего подвеселившиеся уже наперёд поезжатые с радости кричали: подавай пива, которого ещё до входа невесты в дом поднесли им в братыне, и невеста должна была в оную опустить несколько чистых колец, коих у ней много нанизано было на пальцах.

Наперёд всего раздают грешневую крутую кашу собравшимся изо всей деревни старым и малым. Каждому из них дают по чумичке и кладут иному в шапку, а иному - в полу, или кто куда сам похочет».

В обрядах конца XIX-начала XX вв. встреча молодых у дома жениха очень напоминала традицию XVIII века - молодых, вернувшихся из церкви

вместе, в одной повозке, встречали пожилые родственники жениха: под ноги молодых ставили сковороду с «жаром» (углями), выносили стакан с водой - женщины со стороны жениха и невесты начинали «корить» (ругать, укорять) друг друга долго, и только когда невеста снимала с себя кольцо и бросала его в стакан с водой, всё прекращалось, и гости шли к столу. Невесту за стол вёл уредев, сажал рядом с женихом.

В воспоминаниях сегодняшних информаторов сохранилось представление о том, что раньше молодых сразу по возвращении из церкви за стол не сажали, а отводили их в чулан или в конюшню, девушки стелили постель, продавали её жениху, при этом присутствовали родители с обеих сторон.

Во время свадебного пира проводилось символическое действо с обрядовым хлебом: «матери молодых пекут специальный хлеб - «родонь копша» (сс.Шелехметь, Торновое), который символизирует роды жениха и невесты. Во время пляски (на свадьбе) каждая сторона поднимает вверх свой хлеб и при этом приговаривают, что теперь два рода соединились вместе, они будут дружить и помогать друг другу».

Свадьба длилась два-три дня. Послесвадебные обряды, проводимые на второй и третий день, хорошо сохранились и в наше время. На второй день после свадебного пира молодую пару вели к гостям на поклон, здесь они принимали подарки.

Отличительной особенностью мордовской свадьбы являлись обряды, проводимые с так называемой «красотой» - в мордовских эрзянских сёлах Заволжья (нами записан в с. Багана Шенталинского района) это была сосна или ель, украшенная лентами и бумажными цветами. В эрзянских традициях «красоту» наряжали за день до свадьбы, а прощалась с ней невеста в последний день свадьбы - обязательно у воды, «красоту» ломали, раздавая всем присутствующим с неё украшения.

У мордвы-мокши Самарской Луки (с.Бахилово) эта традиция сохранилась в украшении красными лентами и тряпочками веника, с которым гости ходили по селу на второй день свадьбы.

На второй же день пекли блины - мордовские блины имеют свои отличия от русских - их пекут из кислого теста, замешанного на кислом молоке, с добавлением измельчённой пшенной крупы. Родные невесты «искали ярку», в чём проявляется сходство с русским свадебным обрядом.

На третий день молодые вместе с гостями ходили по домам родных, собирали подарки. Девушки топили баню для молодой пары, молодой жене расплетали косу, заплетали две косы, укладывали их венками на голове, покрывали платком. После бани молодая всем подругам, жениху и его родственникам дарила приготовленные ею подарки - девушкам - ленты, старушкам - карманы, свёкру и свекрови - рубашки, отрезы ткани и т.д.

Недели через две близкие родственники с обеих сторон могли гулять у родителей невесты - специалисты считают это отголоском обряда «потамо» (возвращение).

<...> Мордовский календарь мокшанского населения Самарской Луки, как и русский, складывался в тесной связи с трудовой деятельностью людей и жизнью природы. Именно поэтому в христианскую культуру мордвы перешли дохристианские традиции устраивать моления высшим силам перед началом трудовых процессов и по окончании их, а также с целью испрошения у Бога милости - дождя, излечения от болезней в случае неурожая или массовых эпидемий. Древние обряды мордвы органично вошли в христианский церковный календарь и получили новое звучание.

Прежние языческие божества ассоциировались в народном сознании с христианскими святыми, которые переняли функции помощников от прежних божеств. Христианский Бог получил у мордвы-мокши имя дохристианского верховного бога «Шкая» или «Шкабаваза».

К концу XIX - началу XX вв. вся мордва Самарской Луки была православной. Религиозным центром для жителей селений Шелехметь и

Торновое была Успенская церковь с. Новинки, а престольным праздником - Михайлов день (8/21 нояб.), в Бахилово до 1937 г. существовала деревянная Никольская церковь во имя Николы Зимнего, поэтому и престольными праздниками здесь были - Никола зимний (6/19 дек.) и Никола летний (9/22 мая).

Под влиянием христианства многие мордовско-мокшанские обряды адаптировались и к началу XX в. мало отличались от русских, имея общие названия - Рождество, Новый Год, Пасха, Семик, Троица и т.д. Благодаря этнокультурному взаимодействию мокшанского населения Самарской Луки с русским в календарной обрядности обеих групп появились прямые аналогии.

Однако, в традиционном мордовском календаре присутствовали некоторые особенности, их можно связать с отзвуками древних мордовских озксов (общественных молений).

Среди многочисленных описаний молений, относящихся к конкретным локальным мордовским общинам, безадресный материал XVIII в. К.С.Мильковича наиболее соответствует встречающемуся в отрывочных сведениях старожилов Самарской Луки: «Жертвоприношение и празднование отправляется у них двоякое: 1) собранием всей деревни народа и по большей части летом на поле или загородке; загородка есть мольбище, или место жертвоприношения, имеющее длины до 20 или 30 саженей и столько же ширины, где в огороженном лесу варят жертвоприносимых животных мясо; 2) в дому частного жителя во всё годовое время одною только семьёю следующим образом: приведя в жертву коров на поле, в собрании народа, одетые в чистую одежду, старые люди закалывают и становятся впереди, произносят несколько молитвенных слов и разных прошений о себе, о благоденствии народа и об изобилии, а женщины и молодые люди, стоя за ними, кланяются. Сваря же жертвоприносимое, повторяют свои молитвы, а потом оное едят и пьют принесённые из домов своих мёд и пиво; кровь тех заколаемых животных опускают они в ямочку и засыпают землёю, да и от самой жертвы несколько частиц кладут туда же,

кости бросают в реки, а шкуры берут за себя, что самое бывает при жертвоприношении и прочим почитаемым ими божествам».

Народный календарь обрядов и праздников мордвы-мокши Самарской Луки начинался с Рождества Христова и Нового Года. На Рождество дети в новых одеждах, с мешками ходили по домам, славили Христа, за это им хозяева давали деньги и печенье.

На Святки девушки гадали - участнице гаданий подруги завязывали глаза, раскручивали её, «куда пойдёт, в той стороне жених живёт», валенки за ворота бросали - «куда носок валенка глядит - там жених», в дом заносили курицу - по ней определяли, какая будет свекровь - «бойкая, тихая» и т.д.; петуха пускали по избе, перед ним ставили воду, зерно, сыпали деньги - к чему петух подойдёт, определяли жениха: к воде - будет пьяница к зерну - хлебопашец, к деньгам - богатый.

Мясоед – от Рождества до Масленицы - был основным периодом для организации свадеб. Как и в соседних русских, во всех мокшанских селениях Самарской Луки отмечали Масленицу. Молодые семейные пары, образовавшиеся в Мясоед, ходили в гости по родственникам, «на блины», иногда оставались жить там всю неделю.

Большинство мордовских земледельческих праздников приходилось на весенне-летний период. В этнографических источниках и научной литературе повсеместно распространённым первым весенним молением мордвы-мокши называется «кереть озкс» - «моление плуга». Однако от сегодняшних Самарской старожилов Луки материала по этому обряду получить не удалось.

Большая группа обрядов была сосредоточена вокруг Пасхи. В с.Бахилово на Пасху был крестный ход; вечером все жители села выходили на улицу – там кампаниями «катали яйца», гуляли. В катании яиц участвовала вся молодежь села. Играли по двое – каждый игрок ставил свое яйцо, пару яиц клали на землю близко друг к другу. Играющий выбивал яйца

плоским мячом (топа - мокш.), сшитым из ткани. В случае если мяч не попадал в яйца, их забирал второй участник игры.

В Шелехмети зафиксирован обряд «проводов» Пасхи – в последний день Пасхальной недели шли до околицы, бросали монеты, после чего начиналось гулянье – на саратовских гармошках играли гармонисты, им за игру давали яйца, все участники шли по улице, пели песни.

Самым ярким и содержательным периодом у мордвы-мокши Самарской Луки, как и у русского населения, была Троица – последний весенний праздник, знаменовавший окончание сева. Древняя дохристианская традиция совершать моления по завершении полевых посевных работ сохранялась мордвой Самарской Луки вплоть до начала XX века.

Старожилы с. Торновое указывают на место на краю села (при входе в него из с. Рождествено) около старого вяза. Там в Троицу резали быка, купленного вскладчину, варили суп, кашу, пиво из хмеля. На горе ставили столы – там ели, пили, гуляли. Перед едой старушка, знающая молитвы, обращалась к Богу с просьбами об урожае.

В с. Шелехметь также вспоминаются общественные моления в проведении Троицы на уровне начала XX в.: «Троицу праздновали 3 дня - в первый день парни купали девчат в воде – они прятались в нижних рубашках, ребята их находили и силой толкали в воду».

На второй день ходили на могилы, там около кладбища резали курицу, варили её только девушки, ворожили там, пили сваренное пиво. Остальная часть посещающих в этот день могилы в больших котлах варили пищу - молочный суп с яйцами, крошили туда кусочки хлеба, получалась тюря, её ели ложками.

На третий день Троицы (в воскресенье – собственно Троица) выбирали для общественного гулянья площадку – в селе было три таких места, в широких проулках ставили скамейки, столы, перед домами устанавливали берёзы, вкапывая их в землю; перед праздником девушки варили пиво (квас), которым на празднике всех угощали. Молодёжь наряжалась в барина и

барыню, танцевали «барыню». Музыкальным сопровождением танцев была игра на струнных инструментах - мандалинах, балалайках.

«Озкст» в современных оценках представляется как молитва на могиле покойного – после похорон человека старушки, оставшись на кладбище, совершали моление, оставляли умершему пищу.

«Молельное место» шелехметской мордвы вспоминают и показывают современные жители – оно находилось между селениями Шелехметь и Новинки, раньше там росли дикие яблони. Знойным летом 1995 г. в с.Шелехметь было устроено общественное «моление дождя» на окраине деревни.

В развитии троицкой обрядности мордвы-мокши региона к началу XX в. видна тенденция сближения её с русской - в с. Бахилово Троица праздновалась «по-русски»: молодёжь собиралась на улицах; на столбах привязывали качели, гуляли, ходили на Волгу, плели венки из цветов или прутьев берёзы, пускали их на воду, по венкам гадали: «утонет - к смерти, поплывёт - долго жить будешь».

В с. Торновое Троицу праздновали три дня - в первый день делали «чучело», на второй день наряжали его в купленный вскладчину новый костюм - рубашку, штаны, кепку, ходили с ним по селу, на перевёрнутой скамейке несли к воде, там бросали. На третий день все купались, играли, гуляли.

В обряде похорон «чучела» усматриваются параллели с русскими обрядами «похорон весны», повсеместно распространёнными на Самарской Луке или с «похоронами чехони», устраиваемыми в соседнем с .Рождествено.

В организации и проведении летних и осенних праздников - Ивана Купалы, Петрова и Ильина дня у мордвы-мокши исследуемого района прослеживаются прямые аналогии с русскими обрядами. С окончанием полевых работ и сбором урожая связан особый праздничный период, длившийся иногда более недели. Точных сроков обряда не указывается. Праздник организовывали девушки, для этого в селе откупали отдельную

избу - «пивань кудо» - «пивной дом» где варили вскладчину пиво, там собиралась молодёжь и вечерами гуляла - все участники пели, плясали. Обряд имеет аналогии с общемордовским - «Тейтерень пия кудо» («дом девичьего пива»), повсеместно встречаемом в Самарском крае и с марийским праздником «Удыр сий» - «Девичий пир». В древних традициях этого обряда было принято определение будущих брачных пар: девушка подносила в ковше пиво полюбившемуся парню, если он принимал из ее рук и выпивал пиво, девушка исполняла танец. Определившиеся пары садились на отдельную скамейку. Здесь же организовывались игры, аналогичные русским «Суядкам». В этих обрядах можно видеть общефиннскую традицию, характерную для народов Поволжья, имеющую аграрную природу благодарения земли за урожай. В самаролукских мокшанских селениях праздник отмечали до начала XX в.»

Ведерникова Т.И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991. С. 25-84.

«В мордовском народном праздничном календаре четко прослеживаются земледельческие традиции, в которых дохристианские языческие верования сочетаются с официальным христианством. Народные мордовские праздники - озксы (от слова «озномс» - «молиться») обязательно начинались с молитвы существу, в честь которого организовывался праздник <...> Озксы носили общественный характер, всегда совершались за деревней у ручья или родника, у опушки леса рядом с деревней – под дубом, вязом, липою, березою или сосной. В одних молениях участвовали только мужчины, в других – только женщины, были и совместные моления.

Цикл зимних обрядов приурочивался ко времени декабрьского солнцестояния. Кульминационные его точки - 25 декабря, 1 и 6 января (по старому стилю) определялись христианским календарем. Основная тема обрядов ... - предугадывание нового урожая...

<...> накануне Рождества в мордовских селениях пеклись небольшие сдобные пироги в форме коня лепешки - «колядашки», во время святок молодежь собиралась в особой избе, где начинались игры, гадания, продолжавшиеся на улице. Особое место в празднике занимали игры ряженых, одетых в маски различных животных, особенно медведя. Рядились главным образом мужчины и парни. Колядовщики заходили дома, оценивали количество приготовленной в каждой семье пряжи. Нерадивых хозяев купали в снегу. Ряженый в маску медведя выступал в роли покровителя конопли и прядильщиц.

Накануне *Нового года* пекли орешки, жарили поросенка, гуся или курицу. Вечером устраивали моления - у Пакся-авы (божества поля) просили урожая хлеба, у Вирь-авы (божества леса) - урожая орехов, Юрт-аву (божество дома) - о размножении скота. В ночь на Новый год во многих селах жгли костры, прыгали через них.

В день *Крещения* пекли лошадок, фигурки в виде ульев, коров, овец, свиней ... катались на лошадях ... Некатавшихся осуждали, предсказывая им, что Кардаз-сярко (божество двора) защекочет их лошадей.

Последний зимний праздник - *Масленица.* К ней в селе строили карусель в виде солнца и его лучей. В общество выходили обычно молодожены, им посвящался особый обряд. Молодые жены были обязаны прокатиться с парнями и отблагодарить их за это. В обряде виден смысл откупа молодоженов, их перехода из одной социальной группы в другую.

Весенне-летние праздники группировались вокруг христианских, хотя обставлялись явными языческими обрядами, смыслом которых было - встреча весны, прославление новой жизни, надежды на благополучие.

Типичным земледельческим праздником, связанным с севом яровых хлебов, являлся праздник *«Моление плуга»* (кереть-озкс - м., э.) <...> Для организации обряда жители села покупали на общественные деньги быка. В день моления крестьяне собирались на околице села, с собой несли хлеб, пироги, яйца, иногда - петуха. Несколько выбранных человек резали быка и

варили мясо, его раздавал самый почетный старик. Перед обедом он обращался к богу с молитвой, в которой просил о высоком урожае и благополучной погоде. После обеда назначался день начала сева, и определяли, кто должен выехать первым, - им должен был стать самый удачливый хлебопашец.

Весенним обрядом у мордвы являлось также «Моление первого выгона скота» (ливтема-совавтема озкс), которое обычно проводилось в начале апреля. Моление совершалось в конце деревни на выгоне, где собирались все жители, туда же пригоняли весь скот. Огонь в домах заливали в этот день водой. На месте моления трением сухих деревянных брусков добывали новый огонь и разводили костер. От него каждый домохозяин брал себе в горшок нового огня и затем поддерживал его целый год до нового моления. Затем расчищали вырытую издавна яму или рыли новую, ритуальным огнем разводили два костра, весь скот прогоняли между огнями.

Период после посева озимых был заполнен многочисленными общественными обрядами, воздающими дань земле, - от этого зависел урожай хлебов.

Ярким и красочным по оформлению был летний праздник *Троицы* <...> Девушки наряжались парнями, парни - девушками, ходили вдоль села с песнями и плясками, затем шли к речке или к роднику бросали в воду венки, девушки гадали. <...>

На *Петров день* женщины устраивали моление «бабань-каша» или «бабань-озкс». Недели через две после Покрова дня, в конце июня, по окончании всех полевых работ, устраивали самый торжественный и многолюдный праздник, летний общественный Веле-озкс - «Сельское моление» <...> Почтенные старики избирали из своего состава озатя, ответственного за проведение общественного моления. В первый день кололи быка, во второй - телку, варили пиво. Молились о здоровье сельчан, урожае хлеба, о здоровье солдат.

Третий цикл календарных обрядов и праздников приходится у мордвы

на осеннее время. Они связывались с убранным урожаем, благодарением земли и загадыванием хорошего урожая на будущее. После окончания жатвы совершали обряд *Нуемас-тема,* связанный с последними колосьями. В середине сентября проводили моление *Озим-пуре* – «Озимый квас» <...> Осенние озксы воздавали дань покровителям скота и жилища. В *Покров день* (1 октября по ст. стилю) мордовские женщины <...> совершали обряд «покров-баба». На каждой улице одна из женщин надевала вывернутую шубу, обувала лапти, на шею вешала пучок пеньки, из нее же делала бороду, садилась верхом на палку, брала в руки веник и ходила из дома в дом. В конце октября – начале ноября с окончанием выпаса скота совершался Кардаз-озкс – «Моление двора». Это было последнее календарное моление года.»

Поздяев И.С. Из материалов комиссии по изучению нацменьшинств. Древние обряды самарской мордвы // Известия СГУ. Вып. 5. 1928. С. 13-18.

«Грань озкс» - моление на грани

Молян «Грань озкс» - моление на грани – мордвой совершался ежегодно. В этом «моляне» участвовали одни только старухи. Делалось это моление обычно после Троицы, за несколько дней до Петрова поста. Молян посвящался Грань аве – богу грани (границы) и богине грани, и богу земли – Модань пазу, с богиней земли – Мода аве. На моляне молились и другим богам, от которых зависит, по верованиям языческой мордвы, урожайность хлебов. Силою моляна предполагалось вымолить и взять обратно на свои поля ушедших через грань в соседнее поле Модань паза – бога земли и Мода аву – богиню земли, с даруемым им плодородием. А ушли они на соседнее поле, прогневавшись на невнимание к ним со стороны хозяев их земли. По языческим воззрениям мордвы, разгневанного, и ушедшего бога и богиню можно вернуть, для этого нужно совершить им молян и угостить их едой,

вином, медовым квасом и др. напитками ежегодно, когда зазеленеют поля и от озимых и от яровых хлебов.

По языческим воззрениям Грань паз – бог грани и Грань ава – богиня грани находились у грани и стерегли свои поля от злых духов, могущих перейти с соседних полей. А так же оберегали Модань паза и Модань аву, чтобы последние не уходили за пределы своего поля и не лишали обладателей своего поля урожайности.

Почему этот молян совершался женщинами-старухами? Этот вопрос можно разрешить таким образом; молян этот имеет собою доисторическое прошлое, он связан с эпохой матриархального быта, когда женщина, в силу своего положения, была прикована к оседлости, была главной хозяйкой и занималась земледелием, когда от урожая хлеба зависела судьба и жизнь мордовского населения. Нет ничего удивительного, что этот молян в последствии вошел в языческий культ языческой мордвы и совершался мордвой до конца почти XII века. Элементы этого моляна сохранились и до сего времени и влились в христианский культ, исповедуемый в настоящее время мордвой.

Молян «Грань озкс» совершался следующим образом. В условленный день старухи всего села делали приготовления к моляну: готовили разную еду, пекли лепешки, пироги, варили брагу, пуре – медовый квас, покупали вина, резали поросенка, курицу. Готовили говядину, пекли яйца и их красили. И вот в условный день, все это съестное в приготовленном виде старухи накладывали в кузовочки, вешали себе на плечи и пешком отправлялись на грань, где совершался молян «Грань озкс» ежегодно. Придя к грани, на месте моляна старухи расставляли принесенные с собой кушанья в ряд и готовили молян. Зажигали «штатол» - самодельную священную восковую свечу, которая была приготовлена только для этого рода моляна (каждый род молянов имел свой штатол). Для чтения молитвы тут же выбиралась одна из старух, которая была в почете у всех и знала молитвы.

Все вставали на колени лицом к востоку, старуха, выбранная читать молитву, тоже становилась на колени впереди всех.

Начинался молян. Выбранная старуха читала вслух молитву, все присутствующие про себя повторяли читаемые слова, приклоняясь к земле, взывая к небу и глядя на соседнее поле, куда, по их мнению, ушли Мода паз и Мода ава..

<...> По окончании этой молитвы старуха, читающая молитвы, держа в одной руке штатол, а в другой кузовок для бога Земли и богини Земли, а за нею и все прочие на коленях, пятясь назад, доходят до границы, переходят ее, отходят несколько саженей от границы поля соседнего села (все время, продолжая быть на коленях и пятиться). Когда все остановятся в таком положении на соседнем поле, старуха начинает читать молитву:

<...> После этой молитвы, когда кузовок наполнен землею, все на коленях с кузовком и с горящим штатолом в руках ползут через границу на свое поле к месту моляна. Здесь уже идут лицом к своему полю. Когда приходят к месту моляна, кузовок и штатол кладут на ранее приготовленное место. Все встают и начинают плясать, хлопать в ладоши, бегать, восторгаться. В тоже время, все начинают выкрикивать первые слова предстоящего моляна: «Слав бог, слав бог, Мрда авантъ саиник, Мода пазонть саниик, сюро мельткенть туиник» - «Слава богу, слава богу, богиню земли взяли, бога земли взяли, плодородие земле вернули». Все приходят в неописуемый восторг. Когда эти восторгом старухи доведут себя до полу-изнеможения, то начинают продолжать свой молян. Часть принесенной земли зарывают в ямку, а часть разбрасывают вокруг мольбища и приступают к угощениям богов. На земле устраивают стол, покрывая землю белой скатертью, расставляя на ней все принесенное из съестного и питьевого. Все опять становятся на колени вокруг устроенного стола, и старуха читает молитву. Также берут брагу, вино, пуре и льют брызгами против ветра Варма-пазу и Варма Аве.

После совершения этих молитв все рассаживаются вокруг стола и начинается кормление. Когда съедят и выпьют все принесенное с собой, идут домой. До околицы села все идут вместе, а с околицы расходятся по домам.

Этот молян мной записан со слов граж. Пелагеи Максимовны Кузнецовой, 55 л., неграмотная (она в детстве участвовала в приготовлениях на молян), в дер. Ново-Домосемейкине, Секретарской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии. Молян не совершают, по ее словам, вот уже около 30 лет.

«Ломанин стака мор озкс» – тяжелое моление по случаю появления холеры или другой повальной болезни

В этом молении участвовали старики и старухи, вдовы и девицы. Замужние женщины, девицы и вдовы, имеющие половое сожительство или только заподозренные в нем, на этот молян не допускались. Да они и сами не шли. Не допускались к моляну также и те женщины и девицы, которые в жизни хоть раз были заподозрены в воровстве или краже, хотя бы такой маленькой вещи, как, например, морковь.

Моление «Ломанинь стака мор озкс» - тяжелое моление по случаю появления холеры или другой повальной болезни делалось от мужской молодежи тайно, секретно, обычно в глухую ночь, а также и приготовления к нему велись тайно. При первых слухах о появлении в своей деревне или в окрестных деревнях моровой болезни, несколько стариков и старух устраивали совещание старейшин, назначали время моляна и распределяли все приготовления. После чего приглашали сельского «прявта» - старосту и ему поручали секретно известить персонально стариков и старух о принятом решении и о месте и времени моляна.

В ночное время старики и старухи, когда молодежь уже укладывалась спать, собирались в ранее назначенном доме и готовили молян. Если кто увидит и услышит что либо об этом моляне, другим говорить не должен, иначе молян может не удасться: бог разгневается на деревню, и в первую очередь на рассказавшего, болезни тогда уже не остановить. Молитву читать

выбиралась старуха. Все падали на колени и начинали молиться, повторяя за старухой читаемые слова, делая земные поклоны, взывая к небу, взирая и на штатол, и вообще повторяли все те же жестикуляции, что делала старуха, читавшая молитву. Зажигали штатол и изба окуривалась богородной травой – «цапор тикшесэ».

По окончании этой молитвы старики и старухи в эту же ночь с места моляна идут на околицу. Берут заранее приготовленную соху, чтобы опахать вокруг села борозду. К этому времени на околице их ожидают заранее названные женщины, вдовы, старухи, девицы и девчонки. На этой околице устраивают молян и делают приготовления к пропашке борозды: на концы обоих оглобель приделывают и зажигают штатолы, в горшочке разжигают жар, кладут на жар богородскую траву и ладону и зажигают еще один штатол. Когда все это готово, надевают хомут на девочку лет 12 – 13, которая могла бы лишь только на своих плечах нести хомут. Ее впрягают в соху. По обоим сторонам сохи за оглобли впрягаются еще по несколько женщин и старух, впереди сохи, с горнушкой – с горшком с горящими углями, издающими запах от богородской травы и со штатолом в руках становится женщина.

За ручки сохи бралась одна из крепких женщин. Когда все это было готово, впереди стоящая со штатолом и горнушкой старушка трогалась с места и шла по околице и вокруг села. За ней шли впрягшиеся в соху и везли ее за собой, таким образом, пропахивая борозду. Остальные женщины шли позади сохи, одна из них протягивала по борозде нитку. Нитка эта должна была обязательно быть спрядена девочкой, нитка эта должна была быть сырой, и называлась – «верик сури». В случае отсутствия такой нитки, брали другую, называемую по-мордовски «мекив ноты сури» - нитку, которая по своей толщине или неравности не вмещается в ткацкие берда.

Процессия на каждом участке околицы останавливалась и устраивала молян. Посредине околицы из протягиваемой нитки завязывался узелок и зарывался в борозду. По принятии мордвой христианства, процессия на

каждой околице делала сохой пропашной крест, и узелок завязывался уже в центре пропашного креста – «теильть сюлмо», сюда клали медный грош или копейку, как это делалось и до принятия христианства.

Когда борозду вокруг села проведут, процессия приходит к месту начала моляна. Здесь еще раз делается пропашной крест и еще раз устраивают молян. Все становятся на колени, старуха читает молитву.

После этой молитвы старуха, читающая молитву, обращается ко всем присутствующим участникам моляна со следующими словами: «больчи уш озкомс амезьди, пащанготь мереди, да адядо» - «больше молиться не о чем, скажите пащанготь, да пойдемте по домам».

Курицу, квас, блины, яйца, лепешки, брагу и пр. съедобные припасы оставляют на околице, где начинали и заканчивали молян, в жертву богам. Причем, для богов оставлялись и деньги, по несколько копеек, примерно до 20 – 30. По окончании моления соху, хомут и прочее относят на прежние места, и моленная процессия отправляется на общественный погост. На общественном погосте тоже устраивался молян. Молян устраивается на могиле почавшего погост, обычно имя которого передается из поколения в поколение. Все также становятся на колени, и старуха начинает читать молитву (молитва обращена к покойникам, предкам).

По окончанию моления на погосте, все расходятся по домам. По представлениям языческой мордвы, носительница моровой болезни имеет человекообразный вид «руз авы» - русской женщины, по внешности очень страшной и некрасивой. Рассказывали, что многие во время моровых болезней ее видели. После того, как уже пропахана борозда, протянута с узелками нитка и соблюдены все другие церемонии, носительница моровой болезни «руз ава», пройти через эти ограждения не может.

В с. Секретарке Бугурусланского уезда, где записан этот молян в 1927 г., он совершался еще и при наличии церкви и штатного священника, примерно лет до 7 -8 после открытия прихода. Только значит после 7 – 8 летней работы священнику удалось запретить совершение этого моляна.

Таким образом, он не совершается уже около 40 – 50 лет. Местами этот молян совершался и в более поздние времена.

Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С.30-31.

«В дохристианских религиозных верованиях всей мордвы имело место божество - Кардаз-ава (Кардаз-сярко). К ней обращались с молитвами о здоровье скота, в ее честь устраивали жертвоприношения. В честь Кардаз-сярко в каждом доме совершалось специальное моление - «кардаз озкс». Оно происходило осенью, когда прекращали пасти скот. Для этого хлев застилали соломой, ставили корыто с различным угощением. Хозяйка дома просила сохранить скот от болезней и падежа, от «плохого» человека, умножить его, благополучно провести зиму. От всех принесенных кушаний она отделяла по кусочку и ставила на перекладину хлева для Кардаз-авы. Во многих селах Бугурусланского, Бугульминского уездов на «кардаз озксз» приглашали всех родственников и соседей, в основном женщин и детей. Мужчины в молении не участвовали.

Наряду с семейным молением у мордвы бытовали и общественные озксы, посвященные отдельным животным. В начале июня проходило моление о лошадях («алашань озкс», «айгыр озксз»), «скал озкс» - моление о коровах. В 30-х годах XX века эти два озкса слились в один общий озкс.

Для предохранения от чумы, ящура и т. п. совершались обряды окуривания скота, прогоны через церковные ворота и сквозь ров, сверху которого клали жерди, на них – навоз, и зажигали. У мордвы Заволжья, как и всей мордвы, существовал обычай «опахивания деревни» во время всеобщего падежа скота. В этом моляне участвовали старики и старухи, вдовы и девицы. Не допускались к моляну те женщины и девицы, которые в жизни хоть раз были заподозрены в воровстве.

В случае болезни скота проводилось ночное моление - «вень озкс». Хозяйка с жаром в горшочке обходила дом, двор, просила Куд-аву –

хранительницу жилища и семьи освободить от болезней, даровать здоровье и силу, сохранить и увеличить скот. По окончании молитвы оставляла угощение в хлевах.»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНОСА

В.И. Алексеева. Мордовская национальная печать в Средне-Волжском крае // «В целях содействия общественно-политическому и культурному развитию всех национальностей…»: материалы научной конференции «Зеркало российской истории». К столетию государственной национальной печати в Средневолжском крае». – Самара, 2018.С. 69 – 81.

«Первые газеты и журналы на мордовских языках (эрзя и мокша) начали выходить в начале 1920-х годов.

<…>

Первая мордовская газета **«Чинь стямо» («Восход солнца»)** стала выходить в Симбирске в 1920 году. Эрзя-мордовские коммунисты Симбирской губернии на своём заседании, которое состоялось 5 июня 1920 года, приняли решение начать издание газеты на родном языке. И уже 15 июля 1920 года это решение было воплощено в жизнь: в Симбирске вышел первый номер газеты на эрзянском языке. Организаторами газеты стали работники отдела национальных меньшинств при Симбирском губернском комитете РКП(б) Д. Орхидея (Щеглов), И. Арапов, Я. Катаев.

Газета «Чинь стямо» была двухполосной, выходила один-два раза в месяц тиражом 2-5 тысяч экземпляров – в зависимости от наличия бумаги. Основными темами были жизнь мордовского народа, события в стране, трудовые подвиги людей. Газета бесплатно распространялась среди мордовского населения Симбирской, Самарской и Пензенской губерний, рассылалась по воинским частям для красноармейцев из мордвы. По мнению исследователя П.Ф. Потапова, редакцию газеты возглавлял учитель

С.С.Праксин, который работал до этого инспектором школ. Писатель П.А. Ключагин считает первым редактором «Чинь стямо» участника Гражданской войны Дмитрия Гавриловича Орхидею (Щеглова).

<…>

Популярность «Чинь стямо» способствовала началу издания газет и в других местах компактного проживания эрзян и мокшан: Саратове, Кузнецке, Петровске, Пензе. Газеты имели большой успех среди эрзянского читателя, который впервые получил печатное слово на родном языке. Этот успех свидетельствовал о необходимости и дальше развивать национальную печать. Не случайно вопрос о развитии национальной печати на эрзянском и мокшанском языках рассматривался на первом съезде коммунистов мордовской национальности, состоявшемся в Самаре 10-14 июня 1921 года.

Съезд обязал Центральное бюро мордовских секций при ЦК РКП(б) принять меры к быстрейшему изданию центральной общемордовской газеты. Во исполнение постановления съезда с 24 сентября 1921 года в Москве стала издаваться еженедельная газета на эрзянском языке **«Якстере теште» («Красная звезда»)**. <…>

С 4 декабря 1921 года мордовская секция Саратовского губкома РКП(б) начинает выпускать еженедельную газету «Якстере сокиця» («Красный пахарь») на мордовском-эрзя языке. <…>

Мордовские газеты вели большую агитационно-пропагандистскую работу по ликвидации неграмотности среди населения, повышению её культурного уровня и образования. Большинство материалов посвящались ведению хозяйства на селе, повышению плодородия полей. <…>

<…> В 1930-е годы в Средне-Волжском (с 1935 года – Куйбышевском) крае издавались газеты «Ленинэнь киява» («По ленинскому пути») в Клявлинском, «Колхозникень вайгель» («Голос колхозника») в Барановском районах, «Сталинской трибуна» («Сталинская трибуна») в Шенталинском районе. В Саратовской области выходила газета «Сталинэнь киява» («По сталинскому пути»). Все эти издания прекратили свое существование в конце

1930-х годов, что было связано с отсутствием квалифицированных кадров, поскольку наиболее образованные работники переводились в Мордовию, в Саранск.

Обложка первого номера журнала СЯТКО. Самара, январь 1929 года.

<…> История мордовских национальных журналов начинается с 1928 года, когда в Пензе в качестве бесплатного приложения к газете «Од веле» начал издаваться иллюстрированный журнал агитационно-просветительского характера **«Валда ян» («Светлый путь»)** на мокшанском языке. <…>

5 апреля 1928 года на Всероссийском совещании партийных работников по периодической и непериодической мордовской печати было принято решение об издании журнала с сельскохозяйственным уклоном для эрзян. По решению Средне-Волжского обкома ВКП(б) от 7 декабря 1928 года в Самаре с января 1929 года начал издаваться журнал **«Сятко» («Искра»)** на эрзянском языке. Первые номера «Сятко» вышли в Самаре при активной помощи мордовской секции Средне-Волжского обкома партии. Журнал выходил ежемесячно. Первый номер вышел тиражом в 1500 экз. Если в январе 1929 года у «Сятко» было 224 подписчика, то в декабре этого же года журнал выписывали 1750 человек. В течение 1929 года в Самаре было напечатано 15400 экземпляров.

Обложка первого номера журнала СЯТКО. Самара, январь 1929 года.

Первым редактором журнала был Гребенцов Дмитрий Иванович (с 1929 по 1931 год). В состав первой

редакции «Сятко» также входили В.А.Андрофагин (ответственный секретарь), И.С. Поздяев (Сибиряк), С.З.Платонов, И.В. Шапошников, А.В. Дуняшин. Редакция располагалась в здании Обкома ВКП(б) и Облисполкома. В связи с созданием Мордовской автономной области журнал «Сятко» («Искра») был переведён из Самары в Саранск и с 1930 года стал издаваться в Саранске.

<…> С января 1946 года по май 1956 года вместо журнала издавался литературно-художественный альманах «Изнямо» («Победа»). С июня 1956 года до 1964 года журнал стал выходить под названием «Сурань толт» («Сурские огни»). Первоначальное название «Сятко» журналу было возвращено в январе 1956 года. Журнал выходил один раз в 2 месяца, ежемесячным изданием стал с ноября 1991 года.

<…> В настоящее время «Сятко» («Искра») – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал на эрзянском языке, издаваемый в г. Саранске (Республика Мордовия). На страницах журнала «Сятко» публикуются произведения эрзянских писателей и поэтов, вошедшие в золотой фонд национальной литературы. Именно здесь делают свои первые шаги молодые литераторы. Публицистические и научно-популярные материалы освещают жизнь, историю, культуру, быт эрзян и других финно-угорских народов, ставя на первое место темы нравственности, преемственности поколений, социальные и духовные вопросы.

Основные рубрики журнала «Сятко» – «Проза. Поэзия», «Драматургия», «Очерк», «Публицистика», «Критика», «Литература и жизнь», «Национальные традиции», «Новые имена», «В помощь учителям», «Маленьким читателям», «Сэме» (сатира и юмор). Под рубрикой «Наши гости – финно-угорские писатели» публикуются произведения поэтов, прозаиков и публицистов Венгрии, Финляндии, Эстонии, Удмуртии, Карелии, республик Коми, Марий Эл.

<…> Национальная печать сыграла важную роль в становлении и развитии мордовской литературы. Мордовские печатные издания 1920-1930-х

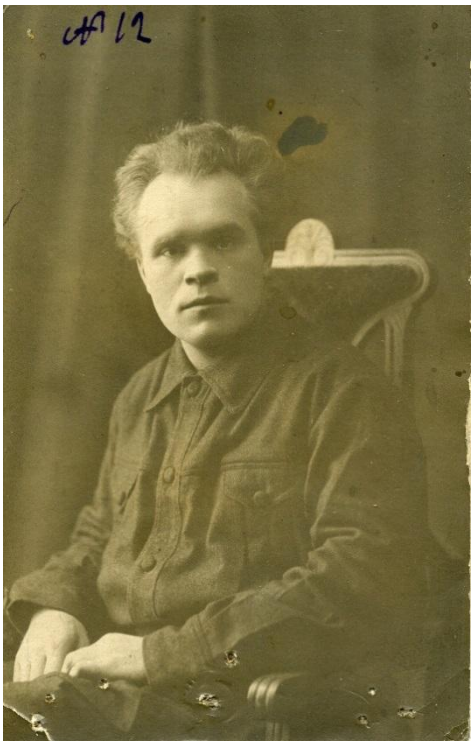
годов сплачивали вокруг себя молодые творческие силы в лице крестьянских корреспондентов и представителей трудовой интеллигенции. Редакции национальных газет и журналов являлись своеобразными творческими объединениями для первых мордовских писателей. Со страниц газет впервые прозвучали первые поэтические, прозаические, драматические произведения на родном языке, появились первые публикации народных песен.

Почти все зачинатели эрзянской литературы прошли школу сельских и рабочих корреспондентов, работали в должности литературных сотрудников и редакторов национальной периодической печати. Известными писателями стали многие корреспонденты национальных газет и журналов – П. Глухов, Я. Григошин, А. Дуняшин, А. Куторкин, Д. Морской (Малышев), Илька Морыця (И. Кривошеев), Артур Моро (А. Осипов), А. Лукьянов, Ф. Чесноков, Никул Эркай (Н. Иркаев), Эрьке (П. Кириллов) и др. Они пробовали свои силы в различных жанрах – публиковали стихотворения, рассказы, пьесы, фельетоны, литературно-критические статьи, литературные переводы с русского языка.

На страницах мордовской периодики тех лет широко обсуждалась проблема формирования единых литературных языков эрзи и мокши, т.к. мордовские языки имеют большое разнообразие диалектов и наречий. Поэты и писатели пользовались народным языком, писали на своих диалектах, что создавало национальную пестроту и в мордовской литературе, и в национальных периодических изданиях. Многие из первых мордовских писателей были участниками языковых конференций, сыграли важную роль в становлении литературных норм языка. В результате было разработано два литературных языка: эрзянский и мокшанский.

Во второй половине 1930-х годов редакции многих газет и журналов мордвы оказались затронуты репрессиями. Мордовским писателям и журналистам приписывалась связь с финской разведкой на том основании, что мокшанский и эрзянский языки входили в финно-угорскую языковую группу. В 1937 году были арестованы практически все члены первой

редакции «Сятко»: Д.И. Гребенцов, В.А. Андрофагин, И.С. Поздяев (Сибиряк), С.З. Платонов, И.В. Шапошников.



Гребенцов Дмитрий Иванович - первый редактор журнала СЯТКО.

В 1938 году были расстреляны Д.И. Гребенцов, бывший в то время ректором Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, И.В.Шапошников – заведующий сельхозотделом Мордовского обкома ВКП(б). И.С. Поздяев (Сибиряк), директор НИИ мордовской культуры, по обвинению в троцкизме был приговорён к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. В.А.Андрофагин, сотрудник института повышения квалификации кадров народного образования, арестованный как «активист буржуазной правонационалистической повстанческой шпионско-диверсионной организации Мордовии», умер в лагере в Пермской области в 1948 году. Огромный урон был нанесён культуре, интеллектуально-нравственному потенциалу народа.

Репрессии серьёзно ослабили мордовскую национальную интеллигенцию, вызвали острый недостаток квалифицированных журналистских кадров. Следствием этого стало то, что обязанности редакторов журналов «Сятко» и «Колхозонь эряф» в конце 1930-х годов по совместительству исполнялись редакторами «Эрзянь коммуны» Д.Ф. Учаевым и «Мокшень правды» С.Д. Ивановским. Из-за отсутствия работников в 1938 году не вышло ни одного номера мокшанского общественно-политического журнала «Колхозонь эряф», не издавались детские журналы «Якстере галстук» («Красный галстук») и «Пионерэнь вайгель» («Голос пионера»), которые выходили в Саранске с 1931 года. С

большим трудом редакция журнала «Сятко» за 1938 год смогла выпустить лишь два номера.

Сегодня в Мордовии на эрзянском и мокшанском языках выходят 2 газеты («Эрзянь правда» и «Мокшень правда»), 4 журнала (на эрзянском языке – «Сятко» и «Чилисема», на мокшанском языке – «Мокша» и «Якстерь тяштеня»). Независимая газета «Эрзянь мастор» издаётся общественным фондом спасения эрзянского языка имени А.П. Рябова. Газеты «Эрзянь правда» и «Мокшень правда» стали выходить в цвете, растёт уровень публикуемых материалов. Детско-юношеские журналы «Чилисема» (эрзя) и «Якстерь тяштеня» (мокша) знакомят читателей с творчеством поэтов и писателей, печатают сказки, стихи, рассказы, загадки на родном языке, рецепты национальной кухни, произведения начинающих авторов. Тиражи печатных изданий с каждым годом, к сожалению, уменьшаются.

Кроме Республики Мордовия, эрзянские газеты издаются в нескольких регионах. После массовых репрессий 1930-х годов национальные газеты в районах компактного проживания мордвы вновь стали издаваться только в 1990-х годах. <…>

В Самаре с октября 2000 года издаётся газета «Валдо ойме» («Светлая

душа»). Редактор газеты – кандидат исторических наук С.Д. Николаев.

Газета выходит 4 раза в год на эрзянском, мокшанском и русском языках при финансовой поддержке Администрации Губернатора Самарской области.

В наши дни национальные периодические издания широко представлены в сети интернет – многие газеты и журналы имеют свои сайты, страницы в социальных сетях.»

Малкова Н.М., Николаев С.Д. Этносы. Самара, 2015, С.83,85.

«Активная деятельность мордовской общественности по возрождению культуры, языка и образования начинается в конце 1980-х годов. 25 ноября 1990 года первый съезд представителей эрзянской и мокшанской общественности принял решение о создании Куйбышевского национального культурно-просветительского общества «Масторава» («Мать-земля»). У истоков становления общества стояли А.И. Инчин, М.М. Богачева, Т.И.Волкова, Ч.Г. Журавлев, В.А. Кавтаськин, П.К. Кулагин, В.Т. Канайкин, С.В. Николаев. Первым председателем общества стал писатель А.И. Инчин. Обществом при поддержке органов исполнительной власти Самарской области проделана значительная работа по организации фольклорных праздников, проведению научно-практических конференций по проблемам образования и культуры, обеспечению школ необходимой литературой, организации лекционных курсов<...>

В 1996 году при Самарской региональной общественной организации «Мордовский национально - культурный центр «Масторава» был создан ансамбль эрзянской песни «Масторава» (первый руководитель - В.М. Сульдин). Коллектив часто выступает с концертами в эрзянских и мокшанских сёлах Самарской области, проводит творческие встречи в библиотеках, школах, домах культуры, санаториях города Самары, участвует в городских и областных межнациональных праздниках, а также в мероприятиях, проводимых в Республике Мордовия.

В настоящее время национально-культурный центр «Масторава»

возглавляет Л.А. Колесникова… Активная работа также проводится филиалами «Масторава» в Тольятти (В.С. Князькин), Шенталинском (Т.И.Волкова), Похвистневском (М.М. Богачева), Исаклинском (П.М.Кузаев), Клявлинском (В.И. Павлов) и других районах. Свою лепту в популяризацию мордовской культуры вносит самарская городская эрзянская общественная организация «Лисьмапря» («Родник»), председатель - А.М. Кузнецов.

Доброй традицией стало проведение ежегодных областных фестивалей мордовской культуры «Масторава» в городах и районах области.

Первый фестиваль, посвященный 90-летию со дня рождения этнографа и фольклориста М.И.Чувашова, состоялся в 1999 году (ст. Шентала). За 11 лет этот фестиваль с огромным успехом проводился во всех районах области с компактным мордовским населением, а также в Самаре и Тольятти. Эстафету взрослых фестивалей подхватили и дети – с 2002 года в Самарской области проводится областной детский фестиваль «Од вий» («Молодая сила»), на котором представлены несколько жанров – фольклор, обряды, обычаи, сольное и эстрадное пение, поэзия, национальные танцы. Особо следует отметить детский фольклорный ансамбль «Вишка лейне» из села Старое Вечканово Исаклинского района, заслуженно получивший звание «народный» (руководитель Т.Ф. Мещанова).

Национально-культурный центр «Масторава» активно участвует в областном межнациональном празднике «Венок дружбы», в Международной этнокультурной экспедиции «Волга - река мира. Диалог культур волжских народов». В последние годы широко отмечается День финно-угорских народов.

<…> На многонациональной радиостанции «Радио-7 из Самары», а также на областном радио передачи на эрзянском языке готовил самарский эрзянский поэт Числав Журавлев. В 1999 году Ч.Г. Журавлев стал лауреатом Международной премии им. Матиаса Кастрена (Финляндия) за вклад в развитие радиожурналистики финно-угорских народов, а в 2005 году - лауреатом Губернской премии в области культуры и искусства за

литературное творчество на мордовском-эрзя языке. В 2008 году Числав Журавлёв удостоен Литературной премии Программы родственных народов Эстонии и Ассоциации финно-угорских литератур за сборник стихов на эрзянском языке «Каргинеть» («Журавлики») в номинации «художественное поэтическое произведение». В 2009 году Ч. Журавлеву было присвоено почетное звание «Заслуженный поэт Республики Мордовия».

Мордовский писатель Ч. Журавлев.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ

Древние обряды Самарской мордвы// Материалы по изучению Самарского края. Самара,1928. Вып. 5.

Балашов В.А. Структура семьи и ее уклад // Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995.

Балашев В.А., Корнишина Г.А., Федянович Т.П. Семейные обряды // Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995.

Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды мордовской этнографической экспедиции. М.: 1973. Вып.3.

Беляева Н.Ф. Народные традиции воспитания детей у мордвы // Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995.

Ведерникова Т.И. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. Самара, 1991.

Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки. Самара, 1996.

Вопросы этнической истории мордовского народа. М.: 1960.

Давыдова О.И., Верховская Т.А. Кухня народов Среднего Поволжья. Самара, 1994.

Исследования по материальной культуре мордовского народа. М.:1963.

Ковченков В.М. Мордовская кухня. М., 1981.

Малкова Н.М., Николаев С.Д. Мордва // Этносы Самарского края. Самара, 2003.

Малкова Н.М., Николаев С.Д. Мордва // Дружба народов на Самарской земле. Самара, 2015.

Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998.

Мордва Заволжья. Саранск,1994.

Мордва: историко–культурные очерки. Саранск,1996.

Мордовия. Народное искусство. Саранск, 1985.

Мордовские украшения: Каталог. Л., 1988.

Мордовский народный костюм: Альбом. Саранск, 1990.

Николаев С.Д. Система родства у мордвы // Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995.

Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (XIX – начало XX вв.). М., 1997.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Энциклопедия народов мира «Этнолог» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.etnolog.ru/people.php. – (Дата обращения: 27.01.2019).

124. **Народы России** [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.narodru.ru/heraldry.html. – (Дата обращения: 27.01.2019).

125. **Население Самарской области** [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. – (Дата обращения: 27.01.2019).

126. **ВСЕ МЫ – РОССИЯ!** Информационный портал о дружбе народов. [Электронный ресурс] // сайт ГКУСО "Дом дружбы народов" – Режим доступа: https://www.samddn.ru/– (Дата обращения: 27.01.2019).

127. **Электронная библиотека Самарика** [Электронный ресурс] // сайт ГБУК «Самарская областная универсальная научная библиотека // Режим доступа: http://libsmr.ru/catalog. – (Дата обращения: 27.01.2019).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Туесок. Конец XIX в.

Парь. XIX в.

Парь – свадебный долбленый сундук из липы, здесь хранили холст, полотенца, самую ценную одежду и украшения.

Ложкарница. XIX в.

Женский мордовский костюм. XIX в.

1 – наушные украшения головного убора, 2 – накосник.

Женский мордовский костюм. Рисунки Х.Г. Гейслера конца XVIII – нач. XIX вв.

Передник. XIX в.

Мордовская женщина за ткацким станком.

Традиционные блюда мордвы

Детский фестиваль, детские коллективы мордвы

Детский фестиваль, детские коллективы мордвы

Мордва Самарской области.

Мордовские коллективы художественной самодеятельности.

Мордва Самарской области.